

Ирина Градова

Секреты ПОКАЖЕТ

КАБИНЕТНЫЙ
ДЕТЕКТИВ

Врачебные секреты

Ирина Градова

Вскрытие покажет

«ЭКСМО»

2012

Градова И.

Вскрытие покажет / И. Градова — «Эксмо», 2012 — (Врачебные секреты)

У коллеги Агнии Тумановой в армии погиб сын Костя, и никто не собирается объяснять безутешной матери, что же произошло на самом деле. Часть, где он служил, вообще на плохом счету. За последний год там погибли минимум пятеро парней, причем тела троих из них прислали домой в закрытых гробах. Говорят, в этих местах промышляет неизвестное чудовище, нападающее на военнослужащих. Солдат после встречи с монстром находят практически выпотрошенными, зверь поедает все внутренности. Но самое удивительное – уникальный хищник нападает только на тех призывников, кто перед этим проходил полное медицинское обследование и сдавал анализы, которые чаще всего берут у доноров перед трансплантацией органов. Единственная возможность Агнии узнать всю правду – это поехать на место и разобраться, тем более есть подходящий кандидат на вакантное место призывника...

© Градова И., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ирина Градова

Вскрытие покажет

Пролог

Аленка едва сдерживала радость и возбуждение: дедушка Петя давно обещал взять ее с собой на охоту, и вот наконец это произошло! Он взял именно ее, а не брата Саньку, хотя тот старше, да еще и мальчишка! Но Аленка гораздо лучше разбирается в звериных следах и повадках и умеет себя вести. С раннего детства девочка усвоила, что это умение – самое главное в тайге, если не хочешь распугать зверье или сам попасться кому-то на острый зуб. Аленка точно знала, что нужно делать, если вдруг попадется дикий кабан или, не дай бог, медведь. Правда, девочка никогда не встречалась ни с тем, ни с другим, но не сомневалась, что при случае вспомнит все дедовы уроки. Идя по лесу, нужно ступать как можно тише, не ломать ветки, а осторожно отодвигать их в сторону, чтобы потом они опять вставали на место. Еще Аленка знала, что, если охотников больше одного, желательно передвигаться след в след, а не рассыпаться по всей территории, везде оставляя запахи, могущие отпугнуть или, наоборот, привлечь того, кого не надо. Стрелять можно только тех животных, на которых открыт сезон охоты, и ни в коем случае нельзя убивать беременных или кормящих самок – хотя, пожалуй, такое могло бы прийти в голову Саньке, но никак не Аленке, даже если бы этого правила и не существовало, так как она любила зверей. Она жила в городе, с родителями, но только здесь, когда приезжала к деду на каникулы, чувствовала себя по-настоящему счастливой. Ее пленяла природа этого края: елово-пихтовая зелень тайги, заросли аралии, лимонника и дикого винограда и мирно покачивающиеся на поверхности прудов и озер огромные цветы розового лотоса. Здесь гнездились невероятное количество птиц – райская мухоловка, голубая сорока, фазан, утка-мандаринка, и водилась самая большая дневная бабочка России, хвостonosец Маака. Гималайский медведь, кабан, куница, дикий лесной кот и амурский тигр – вот лишь несколько видов животных, которые населяли это удивительное место. Правда, нынче встретить тигра – один шанс из тысячи, так как местные и китайские браконьеры практически извели этого красивого зверя. В Уссури обитало множество рыбы: желтощек, сом, красноперка, водящиеся только здесь белый и черный амур, китайский окунь аух и рыба-гигант калуга – всех видов не перечить, и они с дедом частенько выбирались на рыбалку, где он учил девочку с братом премудростям рыбной ловли. Дедушка Петя, бывало, подшучивал над Аленкой, говоря, что ее, наверное, подбросил матери леший, потому что она не похожа ни на одного из родителей и собственного брата. Аленке нравилась эта история о лешем, как и другая, о ТОМ, КТО ЖИВЕТ В ОЗЕРЕ. Это была очень-очень старая легенда, если верить дедушке Пете, и очень страшная. Он рассказывал ее Аленке и Саньке, когда они, сидя у теплой печки, пили горячий травяной чай, и они каждый раз просили деда повторять ее снова и снова, хотя слышали так много раз, что, пожалуй, знали наизусть. По словам старожилков, в озере, неподалеку от Уссури, обитало чудовище. Говорили, оно приплыло из Китая. Эта версия выглядела вполне правдоподобно, учитывая близость к китайской границе. Чудовище вылезало из озера крайне редко, и никто его не видел и не мог описать, потому что каждый, кому довелось встретиться с ним, исчезал навсегда. Поговаривали, что чудовище выедает внутренности людей и животных, но почему-то брезгует их мясом. Когда в окрестных поселках пропадал скот, все валили на ТОГО, КТО ЖИВЕТ В ОЗЕРЕ. Около года назад в одном из поселков, что недалеко от заставы, пропал местный дурачок Борька. Искали его всем миром, даже пограничников подключили, но так и не нашли. С тех пор стали говорить, что чудовище и его утащило. Правда, в эту сказку Аленка не верила. Она знала Борьку, и он как-то обмолвился о том, что хочет уехать из поселка в город.

Наверное, он так и сделал в конце концов. Борьку не нашли, но не обнаружили и никаких следов того, что он побывал поблизости от озера, так что у девочки не осталось сомнений в том, что парень наконец-то осуществил давнюю мечту. Она была за него рада, хоть и не понимала, почему он так рвется оттуда, где она сама с удовольствием провела бы всю оставшуюся жизнь вместо того, чтобы жить в Хабаровске.

Подойдя к кромке воды, Аленка остановилась, держа в руках охапку валежника, который попросил собрать дед для костра. Он предупреждал ее не подходить близко к озеру, но Аленка почему-то не смогла удержаться. На самом деле она вовсе не собиралась идти к озеру, но потом, словно ведомая неизвестной силой, направилась прямо к нему. Сейчас ведь день, светит солнце, да и погранзаства рядом – что может случиться? В любом случае ТОТ, КТО ЖИВЕТ В ОЗЕРЕ, никогда не выходит на берег среди бела дня, так что Аленке ничто не угрожает, что бы там ни говорил дедушка Петя! Вода в озере была чистой, и она отчетливо видела камни на дне. Но это у берега. Аленка знала, что озеро, несмотря на свои обманчиво небольшие размеры, чрезвычайно глубокое. Кроме того, говорили о каких-то подводных пещерах, где и прячется ТОТ, КТО ЖИВЕТ В ОЗЕРЕ. И еще интересная деталь: в воде никогда не видели рыбы – ни большой, ни маленькой. Местные жители утверждали, что так и должно быть, ведь чудовище слопало всю живность в озере, но Аленка сомневалась: либо человеческие внутренности, либо рыба, но не все вместе – это же не свинья, в самом деле!

Солнечные блики играли на безупречно гладкой поверхности, и Аленка засмотрелась на мирную картину, едва не выронив ветки. Но она положила их у кромки воды минутой позже, услышав за спиной странный звук. Он походил на хрюканье, но это не могла быть дикая свинья: Аленка точно знала, какие звуки она издает. Оглядевшись и никого не увидев, девочка двинулась к деревьям, откуда и доносился шум. Раздвинув ветки, она заглянула под сень густых кустов, за которыми высились ели. На нее из полутьмы взглянули желтые глаза. Взвизгнув, Аленка отшатнулась и едва не упала, но потом, уже задним умом, сообразила, что испугалась зря: это никак не мог быть ТОТ, КТО ЖИВЕТ В ОЗЕРЕ! Более того, теперь она поняла, кого увидела. Вернувшись к кустам, девочка вновь раздвинула ветки и уже без страха взглянула на неведомого зверя, при ближайшем рассмотрении оказавшегося овчаркой. Она была крупной, но вполне мирной – во всяком случае, пес даже не зарычал при виде девочки. Он что-то сосредоточенно копал, и рядом с ним уже образовалась внушительная насыпь.

– Хорошая собачка! – проговорила Аленка, приближаясь и с любопытством заглядывая в яму. – Что ты тут нашла, а?

По мере того как пес, не обращая на нее внимания, все выбрасывал лапами землю из ямы, взгляду Аленки открылись какие-то тряпки.

– Что это? – спросила она у собаки, будто и вправду ожидая, что та ответит. Но овчарка продолжала сосредоточенно копать.

– Аленка, ты где?! – услышала она встревоженный голос дедушки Пети.

– Я тут, деда! – отозвалась она. Собака при этом вскинула голову и подозрительно посмотрела в ту сторону, откуда донесся незнакомый мужской голос.

– Сколько раз я говорил тебе и близко не подходить к озеру! – сердито сказал пожилой охотник, продираясь через кусты. – Чего это ты тут...

Его вопрос так и остался незаконченным, а по лицу вдруг расплылось выражение такого ужаса, что Аленка, до этого стоявшая к яме спиной, вынуждена была обернуться, чтобы выяснить, что же так напугало ее бесстрашного дедушку. Овчарка, довольно урча, тянула зубами лоскут ткани цвета хаки, упиравшись всеми четырьмя лапами в насыпь и пытаясь вытащить то, что все еще оставалось погребенным в яме.

– Господи святой! – пробормотал охотник, осенив себя крестным знаменем. Раньше Аленка никогда не видела деда крестящимся – мама, когда сердилась на отца, говорила, что он не верит ни в бога, ни в черта. – Отойди-ка, Аленушка, – обратился он к внучке, не в

силах отвести взгляда от представшего перед ним зрелища. – Беги на заставу! Найди капитана Руденчика или подполковника Крыласова и скажи, чтобы пригнали солдат. Да, и пусть лопаты захватят!

*Граница между Китаем и Россией
в районе Большого Уссурийского острова*

Поисковая группа прочесывала окрестности уже третьи сутки, но сегодня капитан Руденчик надеялся наконец закончить: утром они получили новые сведения о возможном местонахождении трех дезертиров, и не доверять этой информации оснований не было. Ее предоставил один из охотников, для которого лес – открытая книга. Кроме того, и так было ясно, что долго эти трое в лесу не продержатся. Если бы речь шла о старослужащих... Ха! Этот термин постепенно отходит в прошлое: кого, черт подери, можно назвать старослужащим, учитывая, что теперь в армию призывают всего на год?! Так вот, *старослужащие*, возможно, смогли бы пробежать и неделю, и две, а то и вообще добрались бы до железки или махнули в Хабаровск – и только их и видели. Но эти молокососы, всего месяц как из учебки, конечно же, не сумеют сами о себе позаботиться. Да чего уж говорить, ведь лес кругом, тайга, дикого зверья полно, а у них хоть и есть оружие, да обращаться они с ним толком не умеют! В сторону границы бежать бесполезно – китайцы их мигом сцапают, а то еще, не ровен час, пристрелят, как зайцев. Значит, пойдут по деревням. Беда в том, что деревень этих в округе пруд пруди, и везде найдутся добрые люди, которые согласятся приютить и обогреть беглецов, будь они неладны! Только бы не натворили дел, а то ведь с оружием шутки плохи. Вот полгода назад тоже двое сбежали, так чуть егеря не пристрелили – то ли по дурацости, то ли со страху. Хорошо, он мужик ловкий оказался, да и стреляли они, мягко говоря, не слишком метко! Утром Руденчик чего только не наслушался от начальника заставы: можно подумать, он виноват, что из части народ утекает! Ну не хотят эти ребята служить, что тут поделаешь? Про контрактную армию только разговоры одни, а на деле ничего в этом направлении не делается. Что до капитана, так он обеими руками «за». Может, тогда солдаты солдатами будут, а не людьми, мечтающими лишь об одном – свалить с заставы как можно скорее. И плевать им на то, что китаезы только и ждут, чтобы граница ослабла! Они и так что ни месяц лезут сюда: тигров бьют, медведей – только успевай отлавливать! Да разве с таким контингентом, какой находится в распоряжении капитана, можно противостоять наглому браконьерству?

– Товарищ капитан, кажется, нашли – только их не трое, а двое!

Запыхавшись, подбежал сержант Строев. Руденчик с удовольствием окинул взглядом его приземистую, ладную фигуру и круглое веснушчатое лицо. Может, он и не похож на кинозвезду, зато армия для Строева – дом родной. Он-то точно не сбежит, а скорее всего, останется на сверхсрочную. Седьмой ребенок в многодетной семье, он мечтал о поступлении в военное училище, где больше никогда не пришлось бы думать о куске хлеба, а родное государство обеспечивало бы его всем необходимым, включая каждодневные инструкции о том, как следует жить. Таким, как Строев, нужны приказы и распоряжения, зато он отлично умеет их исполнять. В училище Строев не поступил, зато уж в армию рвался, как диссиденты прошлых лет не рвались за границу! И ему здесь нравится – капитан готов спорить на что угодно. Руденчик любил знать о своих подчиненных все, в отличие от начальника заставы – тот и любовников собственной жены затруднился бы назвать поименно, хотя вся округа знает, что Людмила Терентьевна – большая любительница мужчин в форме. Исключения составляют разве что ее собственный муж, полковник Акиншин, да сержант Теличкин, самый старый военнослужащий на заставе.

– И где они? – спросил он Строева.

– Там, за оврагом, прячутся, – быстро восстанавливая дыхание, ответил парень, с обожанием глядя на командира. Еще не пожилой, но уже седовласый, стройный и подтянутый, Руден-

чик, так непохожий на обрюзгшего, лысеющего Акиньшина, являлся для Дмитрия образцом для подражания – кадровый военный, не мыслящий жизни вне армии. С годами Строев надеялся стать похожим на этого человека и мечтал о том, что солдаты будут так же раболепно и беспрекословно подчиняться ему, как подчиняются капитану. Руденчик жесткий, но не жестокий; именно ему удалось наконец победить дедовщину, пышным цветом цветущую на заставе до его появления. И чего этим идиотам надо, спрашивается – какого черта они бегут отсюда, из этого благословенного, сытого и чистого места?! Опять же, природа кругом, леса, живность всякая – чем не рай?

– У них оружие, – предупредил капитан, когда поисковая группа находилась всего в двухстах метрах от беглецов. Они залегли в кустах и пытались уловить малейшее движение листвы и травы на той стороне оврага. Вода в овраге в это время года была достаточно глубокой, а дальше на несколько километров простирались болота. Если парни попадут туда, то вряд ли сумеют выбраться!

– Что делать будем, товарищ капитан?

– Постараюсь уговорить их сдаться, – вздохнул Руденчик, приподнимаясь.

– Нет, товарищ капитан! – попытался остановить его Строев. – А вдруг они палить начнут?

– Ну, если они не совсем спятили, думаю, не начнут, – ответил капитан. И, обращаясь к беглецам, громко крикнул: – Рядовые! Это капитан Руденчик! Предлагаю сложить оружие и выйти из укрытия – в этом случае я гарантирую вам честное разбирательство. Если вы сумеете внятно объяснить причину побега и она окажется уважительной, наказание будет не слишком суровым! В противном случае вас ожидает незавидная участь!

Ветки кустов на другой стороне оврага шевельнулись, словно кто-то пытался получше разглядеть говорящего.

– Сколько человек с вами, товарищ капитан? – раздался срывающийся голос, и Руденчик узнал его.

– Достаточно, чтобы скрутить вас, Бероев! – спокойно ответил он. – Не дурите, чего вы надеетесь добиться?

– Мы хотим, чтобы нас отправили в Хабаровск!

Это уже Макаров кричал.

– Именно туда вас и отправят для разбирательства, – ответил Руденчик.

– Вы можете гарантировать, что мы не останемся на заставе, товарищ капитан?

– Какого черта ты спрашиваешь, Макаров?

– Просто ответьте на вопрос!

– Вот засранец! – чертыхнулся Руденчик едва слышно. – На вопросы ему отвечай...

Ладно, отвечаю! – громко крикнул он. – Даю слово: вас отправят в Хабаровск!

На короткое время наступило затишье.

– Товарищ капитан, – вполголоса произнес Строев, – мы можем их обойти...

– Не надо, сержант, – покачал головой Руденчик. – Думаю, мы договоримся.

– Хорошо! – раздался крик с другой стороны оврага. – Мы выходим!

В этот момент раздался громкий шум за спинами капитана и его маленького поискового отряда.

– Какого черта... – пробормотал он, завидев подполковника Крыласова, за которым через лес ломились человек десять солдат. Такое впечатление, что эти люди только вчера прибыли с гражданки и понятия не имеют о том, как себя вести на границе: они, похоже, считают, что находятся на экскурсии!

– Дальше мы сами, капитан! – рыкнул Крыласов, оперев руки в бока, полагая, что так выглядит более внушительно. При его невысоком росте и плотном телосложении он сильно проигрывал своему подчиненному и знал об этом. Руденчик даже в худшие свои дни выглядел

как заправский вояка, а вот он, Крыласов, скорее напоминал владельца булочной с нависающим над ремнем животом, который, по идее, должен был не позволить ему сдавать спортивные нормативы, положенные для командного состава. Тем не менее он как-то справлялся. Все это промелькнуло в голове сержанта Строева при виде незваных гостей.

– Мы уже со всем разобрались, товарищ подполковник, – прошипел сквозь зубы Руденчик, разозленный неожиданным вторжением. – Ребята выходят.

– Это, товарищ капитан, не ребята, – делая ударение на последнее слово, авторитетно заявил подполковник. – Это – дезертиры, и они должны понести серьезное наказание!

– Сначала надо разобраться, почему они сбежали, – возразил капитан. – Бероев, конечно, бужотер, но вот Макаров – парень нормальный...

– Ваши нормальные парни, Михаил Богданович, удрали, избив часового и прихватив оружие! – перебил подполковник, не любивший, когда с ним начинали спорить. – Это – серьезное преступление, и еще надо выяснить, не натворили ли они чего похлеще! В общем, вы можете идти!

Тон Крыласова не оставлял других вариантов. Руденчик посмотрел на солдат, стеной стоящих за спиной подполковника. Все они являлись контрактниками – огромные, злые парни в форме, считающие, что им платят именно за свирепость. Капитан знал, что на его родной заставе планируется оставить только их и убрать срочников, так как начальство мечтает превратить ее в образцово-показательную. Но у Руденчика имелись свои соображения на этот счет. Он знал о ситуации в тех местах, где полностью перешли на контрактную основу, и она отнюдь не радовала. Контрактники месяцами отсутствовали в своих частях, а деньги и довольствие за них получало начальство... Э, да что тут говорить: все катится в тартарары, а он, Руденчик, ничего с этим поделать не может – вот как и с подполковником Крыласовым, которому он обязан подчиняться.

– Товарищ капитан? – раздался крик со стороны оврага.

– Подполковник Крыласов здесь! – отстранив рукой Руденчика, ответил вновь прибывший.

– Товарищ капитан, вы же обещали!

Голос Бероева сорвался.

– Капитан Руденчик отстранен! – рявкнул подполковник. – Теперь я здесь команду и требую, чтобы вы сложили оружие и вышли с поднятыми руками!

Бероев ничего не ответил. Дальнейшие попытки поговорить с дезертирами ни к чему не привели.

– Ну, сами виноваты, – пожал плечами Крыласов. – Давайте, ребята, как договаривались! – обратился он к сержанту Ожегову, здоровенному мужику со складчатым затылком.

– Есть, товарищ подполковник! – лениво отозвался тот. – Берем их, ребята!

Руденчик мог лишь стоять в сторонке рядом со Строевым, наблюдая за происходящим. Когда кольцо контрактников уже смыкалось за оврагом, почти одновременно раздалось два выстрела.

– Зачем они палят, товарищ капитан?! – испуганно спросил Строев, глядя на встревоженного Руденчика.

– Понятия не имею... Идиоты! За мной, сержант!

Подбегая к краю оврага, капитан уже представлял, что его ожидает. Тем не менее вид тел двух ребят, с которыми он только что разговаривал, произвел на него неизгладимое впечатление: Руденчик не сомневался, что до конца жизни это зрелище будет стоять у него перед глазами вечным укором.

– Зачем?! – спросил он, поднимая глаза на Крыласова. Тот, похоже, и сам был ошарашен не меньше капитана.

– Что – зачем? – пробормотал он. – Это не мы стреляли!

– Вы хотите сказать, что они – сами?..

– Да, черт подери – застрелили друг друга! И где, мать его, Кочарян?!

Арсен Кочарян был третьим в группе беглецов.

– Что делать-то, товарищ подполковник? – спросил сержант Ожегов.

– Что делать, что делать... А вот что: никакого побега не было.

Как ни потрясен был Руденчик случившимся, но слова Крыласова подействовали на него не хуже холодного душа.

– Как... не было? – переспросил не менее озадаченный сержант.

– А вот так. Произошел несчастный случай... во время выполнения... учебного задания! – сочиняя на ходу, ответил подполковник. – Солдаты Бероев и Макаров неправильно обращались с оружием, в результате чего и случилась трагедия. Всем ясно? – спросил он, обводя грозным взглядом присутствующих.

Но тут Руденчик заметил нечто, заставившее его подойти поближе.

– Несчастный случай, говорите? – пробормотал он, склоняясь над одним из тел. – А вот это – как вы объясните?

* * *

Я знала, что рано или поздно придется что-то решать. Сама мысль о том, что я неожиданно забеременела в сорок лет, казалась бы мне забавной, если бы не влекла за собой такое количество проблем. И главная из них – я понятия не имею, кто отец. Вот уж не представляла, что когда-нибудь буду чувствовать себя развратной женщиной, не знающей, от кого ее дети! Такие женщины неразборчивы в связях и готовы лечь в постель с каждым, кто предложит. И вот я сама оказалась в ряду особ, которых осуждала. А ведь до недавнего времени я была, если так можно выразиться, «женщиной одного мужчины» – своего мужа Славки, с которым мы родили замечательного сына Дэна. Потом, в силу определенных несчастливых обстоятельств, у меня появился первый в жизни любовник, хирург Роберт Караев. Славка ударился в бега от кредиторов, я оставалась совершенно одна, без помощи и поддержки, а Роберт хоть и не являлся мужчиной моей мечты, но все же в некотором роде опекал меня. Почти два года я находилась в подвешенном состоянии, пока наконец Славка не вернулся – в самый тяжелый для меня момент. Именно тогда я познакомилась со своим нынешним мужем Олегом Шиловым. Славка тоже времени зря не терял и успел обзавестись девушкой, которая родила ему ребенка. В целом дело завершилось к обоюдному удовольствию, поэтому расставание прошло безболезненно¹. Мы со Славкой отлично общаемся, но он все еще чувствует себя виноватым и считает своим долгом каждодневно «искупать вину» перед сыном, поэтому уже купил Дэну квартиру и машину. С Олегом мы поженились вскоре после знакомства. Я считала себя счастливой. И не только я одна – и мама, и все мои подруги, включая лучшую и самую дорогую подружку Лариску, так полагали. А потом я поняла, что влюбилась в Андрея Лицкявичуса, моего начальника по ОМР, Отделу медицинских расследований. Наше знакомство началось с серьезного противостояния: сказывалась разница в характерах. Тем не менее по мере общения мы нашли много точек соприкосновения, но, признаться, я никак не ожидала, что мое уважение приведет к такой развязке! Я ни за что не позволила бы ничему произойти между нами, но Шиллов попался на измене. Скорее всего, я сама была в этом виновата – мы начали отдаляться друг от друга, так как я слишком много времени стала посвящать расследованиям в ОМР и общению с коллегами, забыв о том, что у Олега имеются собственные потребности. И все же именно он изменил мне *первым*! Я убедилась в этом и только тогда, как пишут в женских романах, упала в объятия Андрея (боже, как пафосно!). Олег тем временем вдруг стал вести

¹ Читайте об этом в романе Ирины Градовой «Окончательный диагноз».

себя как образцовый супруг – все говорило о том, что он прервал свою связь с московской пассией, которая и сосватала ему, ранее заведующему отделением ортопедии и травматологии в моей больнице, должность директора питерского филиала столичной клиники «Авиценна». Я не пыталась выяснить наверняка, перестали ли они встречаться, тем более что Олег частенько мотается в столицу нашей родины в командировки, но Шилов дал мне понять, что планирует жить со мной долго и счастливо. В доказательство этого он купил недвижимость – прекрасный двухэтажный дом в том самом месте, где я всегда мечтала, – в Шувалово-Озерковском районе. Я непременно порадовалась бы этому приобретению, если бы как раз в тот момент не получила предложение о замужестве от Андрея. И вот новый удар – беременность! Олег мечтал о ребенке, но я никогда не поощряла его в этом желании, так как не собиралась его удовлетворять. Во-первых, я считала, что вышла из детородного возраста, о чем красноречиво свидетельствовал тот факт, что, не предохраняясь ни с одним из мужчин, со времени рождения Дэна я ни разу не забеременела. И вот на тебе! Все же оставалась маленькая надежда на то, что аптечный тест выдал ошибочный результат, поэтому я, подумав с недельку, все же сдала анализы в лабораторию. Ответ потряс меня едва ли не больше, чем в первый раз: я действительно беременна, причем гораздо дольше, чем ожидала, – почти десять недель. А я-то переживала, что в последнее время набрала пару килограммов – вот тебе и объяснение! И что теперь делать? Решение напрашивалось само собой: я должна остаться с мужем и забыть об Андрее. Мысль об аборте никогда меня не посещала, но сейчас, спрашивая себя, имею ли право рожать этого ребенка, я напоминала себе об обстоятельствах его зачатия. Мы встречались с Андреем, но я не прекращала отношений и с Олегом, так что теоретически ребенок мог быть от любого из них.

Все эти мысли проплывали в моем мозгу, пока руки автоматически выполняли привычную работу. На столе лежала пациентка, оперированная на предмет замены коленного сустава. Сегодня ведущим хирургом выступал Павел Бойко, протеже Шилова. В мою бытность любовницей Роберта Караева, также работавшего в отделении травматологии, никому, кроме него, не было позволено проводить высокотехнологичные операции. Это было связано и с деньгами, и с престижем. Когда Шилов стал заведующим, он изменил порядки, чтобы дать дорогу молодым и способным хирургам проявить себя и, чего уж скрывать – заработать. Павел оказался самым талантливым из его учеников, и теперь я чаще всего работаю именно с ним. Пациентка весила килограммов сто двадцать. Хирурги вообще не любят полных больных, но ортопеды-травматологи – особенно. Частенько условием для проведения операции по замене сустава является сбрасывание определенного количества кило, иначе искусственный сустав просто не выдержит большого веса. Кроме того, сразу после операции необходимо ставить пациента на ноги и разрабатывать сустав, а полные больные обычно малоподвижны. Вот и на лице Павла сейчас я читала раздражение: добраться до кости сквозь плотный жировой слой было не так-то легко! В самый решающий момент я вдруг заметила, что зрачок пациентки реагирует на действия Павла. Мы, как обычно, применяли регионарный наркоз, а не общий, поэтому больная не находилась в отключке. Тем не менее она не должна была испытывать никаких болевых ощущений. Поверх маски я взглянула на свою анестезистку. Алевтине Макаровой чуть за пятьдесят. У нее отличная семья – любящий муж, трое детей, один из которых сейчас в армии. Мы работаем с Алевтиной уже пять лет, и у меня никогда не возникало к ней ни малейших претензий: она исключительно аккуратный и грамотный специалист. Однако в последние несколько дней я ее просто не узнавала. У женщины все валилось из рук, она стала рассеянной и невнимательной.

– Алевтина, что происходит? – шепотом спросила я, косясь на Павла, который пока еще не почувствовал, что что-то не так.

Она подняла на меня пустые глаза.

– А что, Агния Кирилловна?

– Наша пациентка сейчас кричать начнет, вот что! – рявкнула я.

В ужасе Алевтина взглянула на столик для медикаментов.

– Ой!

Мне не понравился этот ее возглас.

– Немедленно вводите еще пять кубиков! – сказала я, едва сдерживая гнев.

Алевтина молча выполнила мое требование.

– Агния Кирилловна? – поднял брови Павел, глядя в нашу сторону, встревоженный шушуканьем.

– Все в порядке, Паша, – отозвалась я, безмятежно улыбаясь. – Никаких проблем!

Через час, выскочив из операционной, я налетела на Алевтину.

– Что вы делаете-то, а? – спросила я, рывком разворачивая женщину к себе лицом от раковины, над которой она склонилась, чтобы вымыть руки. – Мы чуть тетку не угробили!

– Простите, Агния Кирилловна! – залепетала она, вся красная как рак. – Ради бога, извините...

– Извините ее! – не унималась я. – Скажите спасибо, что она толстокожей оказалась...

Какую дозу вы вводили?

– Я виновата, – пробормотала анестезистка, опуская глаза. – Ошиблась с дозой...

– Ошиблась! Что с вами происходит в последнее время? Если вы больны, то садитесь на больничный, в конце концов, но это же не повод резать по живому!

Неожиданно Алевтина закрыла лицо руками и разрыдалась, качаясь из стороны в сторону, словно липа на ветру. Павел, собиравшийся снимать перчатки, оторопел.

– Что случилось? – спросил он, выпучив глаза.

– Ничего, Паша, – ответила я, беря Алевтину под руку и подталкивая в сторону выхода. – Небольшой срыв – бывает.

Отделение анестезиологии и реанимации располагается сразу над операционными. Поднявшись на один этаж, мы дошли до ординаторской, где в этот момент никого не оказалось, и я налила анестезистке воды из стоящего у стены кулера.

– Вот, – сказала я, протягивая ей стакан. – Пейте и рассказывайте!

Зубы Алевтины стучали по краю стакана, и она не сразу смогла сделать глоток. У нее ушло несколько минут на то, чтобы выпить половину жидкости, и все это время я терпеливо ждала. Злость моя постепенно испарилась. Возможно, у Алевтины случилось что-то серьезное, иначе она вряд ли допустила бы ошибку при операции.

– Мой Кости-и-ик! – даваясь водой, проговорила анестезистка. – Кости-и-ик... по... поги-и-иб!

– Что-о?! Но он же... Он же в армии был?!

– Вот именно, чтоб бы-ыл! – завывала Алевтина. – Во вторник получила извещение из военкомата, а на следующий день они гроб доставили-и-и...

– Но как же это произошло?!

– Сказали – несчастный случай во время учений...

Алевтина больше не могла говорить, и мне пришлось сесть рядом и обнять ее, как беспомощного ребенка. Я прекрасно понимала, что она должна чувствовать. Что, если бы мой Дэн... Нет, об этом даже думать нельзя! Конечно, у Алевтины еще две дочки, но Костик всегда был ее любимым сыночком, ее надеждой и опорой. Я знала паренька – он иногда встречал мать после работы. После школы поступил в медицинское училище, успешно отучился год, призвался в армию... И вот теперь он мертв!

Плечи Алевтины все еще вздрагивали, но слезы уже иссякли.

– Спасибо вам, Агния Кирилловна, – пробормотала она, утирая подолом халата распухшие глаза.

– За что?

– За то, что выплакаться дали... Дома-то нельзя – все на меня смотрят, как будто я могу что-то изменить... А я еле ноги передвигаю! И простите меня, если можете: больше такое не повторится!

– Может, вам взять отпуск?

– Нет, Агния Кирилловна, я не могу! – затрясла она головой. – Мне сейчас дома быть нельзя – я лучше тут...

– Когда похороны?

– Завтра... Я взяла день за свой счет.

– Как же я-то ничего не знала?!

– А я не распространяюсь – зачем? Помочь мне все равно никто не сможет, а разговоры за спиной...

– Конечно, конечно, я все понимаю, – закивала я. – Во сколько похороны?

* * *

– Представляешь, они ничего не объясняют! – возмущенно жаловалась я Олегу, за обе щеки уплетая вегетарианские котлеты. Стыдно сказать, но я была голодна, как волк. Казалось бы, после рассказа Алевтины о гибели сына аппетит должно напрочь отбить, а я вот лопаю – видимо, все дело в беременности.

– Ты давай с болтовней завязывай, – посоветовал Олег, подкладывая на мою тарелку еще пару теплых, пышных котлеток. – А то подавишься!

Надо что-то делать с этим постоянным чувством голода, а то Олег, не ровен час, догадается о моем интересном положении! Этого никак нельзя допустить, ведь я еще не решила, оставлять ли ребенка.

– С военными всегда так, – произнес он через несколько минут. – Никогда не говорят правды. У них так принято.

– У Алевтины *ребенок* погиб! – воскликнула я, прожевав. – Они могли бы, по крайней мере, вызвать ее и дать разъяснения. Вместо этого они выслали ей письмо о том, что берут на себя все расходы по похоронам – и все, представляешь?!

– Очень даже представляю! – кивнул Шилов. – Наверняка напортачили, а признаваться ни за что не станут. Забирают парней у родителей, а потом возвращают ногами вперед!

Шилову не понаслышке знакомо чувство потери ребенка: несколько лет назад его маленькая дочка от первого брака утонула в аквапарке из-за недосмотра матери. Если ребенок от Олега, а я сделаю аборт, не будет ли это преступлением?

– В каких войсках он служил? – спросил Олег.

– В пограничных.

– На финской границе?

– Не-а, на китайской. И что же там такого могло произойти, что все как воды в рот набрали? Может, случилось что-то, о чем они рассказать не могут? Скажем, вооруженный конфликт с противоположной стороной? Но разве об этом не сообщили бы в СМИ?

– Если это военная тайна, то нет. Брось, Агния, ты все равно не сможешь ничего выяснить! – махнул рукой Шилов. – Да и оно тебе надо?

– Шилов, я работаю с Алевтиной уже несколько лет, она мне не чужая!

– Вот в том-то и беда, – поморщился он. – До всего тебе есть дело, Агния! Ну, я понимаю, когда ситуация касается друзей и родственников – тьфу-тьфу-тьфу, конечно, – но ты же не можешь переживать за каждого!

Шилов не одобряет мою работу в ОМР. Мы с самого начала договорились, что он не станет мне мешать – в конце концов, я независимая женщина, имеющая право выбирать, чем заниматься, но Олег не мог притворяться, что ему нравится моя вторая работа.

– Мне пойти с тобой? – спросил он, когда я не ответила на его реплику. Я видела, как ему не хочется этого делать, и произнесла:

– Не нужно. Ты уже не работаешь в больнице, да и Алевтина будет в таком состоянии, что и не заметит твоего появления!

Олег выглядел расстроенным. Вероятно, ему показалось, что я намеренно провожу черту между ним и всем, что касается меня и его прежнего места работы. Может, хоть и неосознанно, я именно это и делаю?

* * *

Наверное, трудно найти человека, который любил бы кладбища, но я прямо-таки кожей ощущаю холод, идущий от надгробий, выстроившихся по обе стороны от проходов. Здесь хорошили папу. Было это почти двенадцать лет назад, и я не ожидала, что с тех пор полегло такое дикое количество народу! Кресты и плиты растут как грибы после дождя – воистину, нужно побывать на кладбище, чтобы осознать масштабы и скорость, с которой вымирает население нашего города!

На похороны Костика Макарова собралось много людей – в основном родственники, конечно, но были здесь и коллеги с работы мужа Алевтины, друзья ее дочерей, и только я – из нашей больницы. Я не заметила ни одного человека в военной форме – значит, представитель от военкомата не счел нужным явиться. Алевтина рыдала, прижавшись к мужу, который, видно, до сих пор не осознал смерть единственного сына.

– Ужасно вот так терять детей, – раздался тихий голос за моей спиной. – В мирное-то время!

Обернувшись, я увидела немолодую худую женщину с темными с проседью волосами в черном костюме. Она выглядела не слишком ухоженной, но лицо ее было решительным и жестким.

– Вы – родственница Алевтины? – поинтересовалась я.

– Нет, я – ее коллега. А вы?

Женщина полезла в сумочку и, достав оттуда карточку, протянула ее мне.

– «Инга Рафаиловна Шацкая, председатель Комитета солдатских матерей Санкт-Петербурга», – прочла я вполголоса. – Вас прислало какое-то военное начальство?

На самом деле я понятия не имела о том, чем занимается Комитет солдатских матерей. По телевизору я порой слышала, что «на заседании чего-то там присутствовали представители Комитета солдатских матерей» или «Комитет солдатских матерей выражает протест по поводу чего-то там» – и все.

– Я не имею к военному начальству ни малейшего отношения, – как мне показалось, с легким оттенком презрения ответила Шацкая. – Напротив, я нахожусь здесь *вопреки* всякому военному начальству.

– То есть?

– Насколько близки вы с матерью погибшего мальчика? – вместо ответа задала она вопрос. – Понимаете, мне бы, конечно, с ней поговорить надо, но она сейчас в таком состоянии...

– Вы правы, – кивнула я. – Лучше со мной. А с Алевтиной мы хорошо знакомы – она моя анестезистка в больнице, и Костика я знала лично.

– Вы – врач? – уточнила Шацкая, и в ее тоне я уловила неподдельный интерес.

Я подтвердила.

– Что ж, это даже к лучшему! Что скажете, если после похорон мы присядем в каком-нибудь уютном месте и поболтаем?

Я была заинтригована, поэтому сразу согласилась. После похорон муж Алевтины пригласил всех присутствующих к ним домой, но я отказалась, мотивировав это тем, что опаздываю на работу. В действительности операций у меня в тот день не было, но Алевтина об этом не знала.

– Вы на машине? – спросила Инга.

– Нет, приехала с Алевтиной на автобусе прямо из морга.

– Тогда – прошу в мою колесницу!

У Инги оказалась серебристая «Ниссан Микра», выглядевшая снаружи гораздо меньше, чем была внутри.

– Итак, – сказала я, когда мы уселись в симпатичном уличном кафе, у которого она припарковалась, – о чем вы хотели поговорить?

– Что вам известно об обстоятельствах смерти Костика Макарова?

– Да ничего, собственно, – ответила я. – Алевтина в шоке от того, как с ней обошлись: прислали какую-то отписку, что якобы парень погиб во время учений из-за неосторожного обращения с оружием – и все. Даже на похороны никого не прислали!

– Выглядит подозрительно, не находите?

– Как и все, что связано с вооруженными силами, – согласилась я. Мне показалось, что Инга сейчас выдаст очередную теорию заговора – вроде убийства Кеннеди и таинственных кругов на злаковых полях. Однако мой интерес она уже порядком разожгла.

– Наша организация как раз занимается такими случаями, – сказала Инга. – Вы в курсе, что Константин Макаров служил вместе с Федором Бероевым?

– Н-нет, честно говоря, – покачала я головой. – Но Алевтина наверняка его знает.

– Наверняка, – кивнула Инга. – Ведь они были друзьями. И погибли, между прочим, в один день.

– Что-о-о?!

– Я вам больше скажу, – явно довольная моим замешательством, продолжала она. – Обстоятельства гибели ребят – тайна, покрытая мраком. Следствие проводила военная прокуратура и, кто бы сомневался, вынесла свой вердикт: несчастный случай на стрельбах! Но мамаша Бероева оказалась не лыком шита. Она работает в прокуратуре и всех на ноги подняла – выяснила-таки, что в последнее время на той заставе, где ребята служили, подозрительно часто гибнут или пропадают призывники. Собрать все факты воедино не так-то просто, ведь все они из разных городов и сел, а сама Бероева, хоть и кремень-баба, но все же мать, потерявшая сына... Короче, она ко мне обратилась, через общих друзей, передала данные, которые удалось собрать, и попросила заняться этим делом. Вот я и начала с Макарова, потому что они с Бероевым вместе служили. Думала, может, мать его сможет что-то пояснить?

– Мне думается, что обеим матерям прислали одинаковы послания, – вздохнула я. – И Алевтина – не тот человек, который сумеет противостоять огромной военной машине. Посторонним вход за этот забор из колючей проволоки заказан!

– То-то и оно, – закивала Инга, найдя во мне единомышленника.

– Вы сказали, что есть и другие жертвы? – внезапно вспомнила я ее же собственные слова. – Кроме Костика и того, второго мальчика?

– Точно – как минимум трое.

– Трое?!

– Это только за последние пару лет, – уточнила она.

– И все на одной заставе?

– Да.

– Значит, вместе с нашими двумя уже пятеро выходит?

– И, заметьте, мы еще, возможно, не обо всех знаем!

– А те трое ребят как погибли?

– Пока ничего толком выяснить не удалось, ведь Анна, мать Бероева, совсем недолго занималась этим – в перерывах между подготовкой к похоронам!

– А у вас есть имена и адреса других матерей?

Инга внимательно посмотрела на меня.

– Знаете, Агния, – сказала она задумчиво, – на самом деле это я собиралась задавать вам вопросы, а вы как-то незаметно перехватили инициативу!

– Простите, профессиональная привычка сказывается.

– Как это – профессиональная? Вы же говорили, что работаете в больнице? – подозрительно нахмурилась женщина.

Пришлось рассказать председателю Комитета солдатских матерей о том, чем я занимаюсь, помимо врачебной деятельности.

– Отдел медицинских исследований, значит? – переспросила она, когда я закончила. – Интересно! И что, успешно работаете?

– Как посмотреть, – скромно ответила я. – Во всяком случае, за несколько лет нам удалось привлечь к ответственности достаточно врачей и околomedicalных работников, точно так же, как и оправдать невиновных медиков.

– Удивительно, что из всей толпы людей на кладбище я подошла именно к вам! – заметила Шацкая. – Может, это судьба? Как насчет того, чтобы вместе потрудиться?

– Честно говоря, просто не представляю, чем вам может помочь ОМР? Если бы речь шла о медицинской проблеме – тогда мы непременно взяли бы за нее, но армия...

– Неужели у вас нет в этой среде никаких полезных знакомств? – не поверила Инга.

Я сразу же подумала об Андрее. Отставной полковник медицинской службы, он, конечно же, имел кучу друзей среди военнослужащих, но ведь под вопросом один-единственный военный округ, более того – одна-единственная застава! Кроме того, я знала, что Андрей в отъезде: две недели назад он по телефону сообщил мне о том, что уезжает с лекциями в Калифорнийский медицинский колледж и оставляет Отдел на меня. Правда, он также добавил, что по всем вопросам его можно беспокоить в любое время дня и ночи по скайпу или по телефону, но как, черт подери, он смог бы помочь, находясь на другом конце земного шара? И тут я вспомнила о Никите. Конечно, он ведь служил с Андреем и как-никак вхож в круг военных!

– Я могла бы попытаться, – проговорила я наконец, видя, что Инга не сводит с меня внимательного взгляда. – Давайте продолжим наводить справки, вы по своим каналам, я – по своим. Через пару-тройку дней созвонимся, идет? Может, у нас появятся какие-нибудь новые сведения.

– У вас есть дети? – вместо ответа поинтересовалась Шацкая.

– Сын. Ему двадцать. Но в армии Дэн не служил, потому что поступил в институт, – тут же добавила я, предвосхищая ее следующий вопрос.

– Вам повезло, – глухо произнесла Инга. – Лучше рожать девочек!

* * *

Войдя в квартиру Никиты, я увидела, что со времени моего последнего визита здесь практически ничего не изменилось – все та же безликая, но удобная и функциональная мебель из «ИКЕИ». Правда, на стенах появились новые фотографии – в основном его бывших однополчан из Осетии на фоне разрушенных зданий. Встречались и снимки с нынешнего места работы – в окружении коллег или пациентов. Никита работает трансплантологом в Алмазовском центре. Андрею он как сын, хотя кровные узы их не связывают. Никита – пасынок бывшей жены Лицкявичуса. Когда они развелись, она вышла замуж за друга Андрея, у которого рос маленький сын Никита. Так уж вышло, что, несмотря на полный разрыв с женой и отказ общаться с ней, Андрей не держал зла на друга и души не чаял в Никите. Для парня же Андрей

всегда служил примером, и впоследствии, вопреки его воле, пошел по стопам Лицкявичуса – поступил в Военмед и колесил по «горячим точкам», пока не получил тяжелейшее ранение в ногу. Случилось это в Южной Осетии. Раненый Никита и еще один его приятель оказались в разрушенном здании больницы, потеряв надежду на то, что их найдут. Именно Андрей организовал спасательную операцию, а потом, когда хирург сказал, что в полевых условиях спасти ногу почти невозможно и лучше ампутировать ее, чтобы спасти жизнь парню, Андрей удержал его руку. Только благодаря этому Никита теперь может ходить. Иногда он опирается на трость, но я подозреваю, что делает он это исключительно в корыстных целях: вид симпатичного молодого мужчины с мальчишеской улыбкой, у которого имеется небольшой физический недостаток, безотказно действует на женщин всех возрастов и профессий.

– Кофе будешь? – спросил Никита, когда я закончила разглядывать снимки на стенах и уселась на диван.

– Обязательно!

Он исчез на кухне и через несколько минут появился с подносом.

– Ты, я вижу, купил кофеварку? – приятно удивилась я.

– А как же тебя принимать-то? – пожал он плечами. – Ты же растворимый не пьешь!

– Так как там насчет моего дела? – спросила я.

– Рассказываю. Странное что-то творится: я обратился к людям, для которых обычно нет ничего невозможного. Тем не менее они не смогли помочь!

– Что, совсем ничем? – разочарованно уточнила я.

– Только тем, что разъяснили: соваться в эту область не стоит.

– Ну да, конечно! – злобно фыркнула я. – Военная тайна! Мальчишки, значит, мрут как мухи, а они отказываются говорить?!

– Зато я узнал для тебя кое-какие имена.

– Тех, кто еще погиб на той заставе, да? – догадалась я, воспрянув духом.

– Точно. Не все они проживали в Питере, но что есть расстояния при наличии современных способов связи, верно?

– Ты совершенно прав!

– Слушай, а ты...

Никита осекся, и мне даже показалось, что он покраснел.

– Что, Ник?

– Дядя Андрей так внезапно усвистал в Америку... Ты не знаешь, что случилось?

– Случилось? – удивилась я. – Что могло случиться? Он же всегда разъезжал по свету с лекциями, а почему ты спрашиваешь?

– Дядя Андрей давно говорил, что собирается завязать с дальними поездками – после операции он стал плохо переносить самолет.

– Правда? – пробормотала я.

– И он ничего не сообщал мне о своих планах, и вдруг – улетел. Я думал, ты знаешь почему.

Мне не приходило в голову, что Андрей мог улететь из-за того, что я прекратила наши отношения – такой сильный человек не мог настолько тяжело переживать разрыв с женщиной! Тем не менее слова Никиты говорили о том, что я, возможно, ошибалась, считая Андрея пуленепробиваемым с эмоциональной точки зрения.

– Нет, Ник, мне ничего не известно, – ответила я. – Андрей Эдуардович не делился со мной своими планами.

Парень посмотрел на меня, и я почувствовала, что он о чем-то догадывается. Нам с Андреем успешно удавалось скрывать отношения от коллег, но, кажется, некоторые, наиболее внимательные, все-таки нас подозревали. Ну, ничего – теперь-то и подозревать нечего, ведь все кончено!

* * *

В квартире Бероевых было чисто, как в операционной.

– Не могу без дела сидеть, – пояснила хозяйка дома, Анна Емельяновна, облаченная в старые джинсы и мужскую рубашку. – Раз пять уже все здесь перемыла, но никак успокоиться не могу!

– Еще бы! – сочувственно покачала я головой. – Вы успокоительное принимаете?

– Не люблю я лекарства пить – одно лечишь, другое калечишь.

– Вам не предлагали с психологом пообщаться?

– Вы намекаете на то, что у меня с головой не в порядке?

– Да нет, но вы ведь сына потеряли, а это такая серьезная психологическая травма!

– Ничего, – мотнула коротко стриженной головой женщина, – справлюсь. Вы не подумайте, что я черствая такая, – тут же добавила она, – но мне сейчас никак раскисать нельзя: пока не выясню, что с моим Феденькой случилось, не могу я горю предаваться!

Сильная женщина, ничего не скажешь – права Инга Шацкая!

– А вы ведь не из прокуратуры, да? Из какого-то Отдела...

– Медицинских расследований, – подсказала я. – Но я здесь не по делам Отдела, а потому, что мать мальчика, который погиб с вашим сыном, – моя коллега.

– Вы о Косте Макарове говорите?

– Ваш сын писал о нем?

– Да, – вздохнула Бероева. – Они с Федей лучшими друзьями были – как в учебке познакомились, так и... Господи, они ведь служить только начали!

Она медленно сняла передник, надетый поверх джинсов, и проводила меня в гостиную. Вся мебель была сдвинута к стенам, и только большой ковер еще оставался на полу в середине комнаты.

– Вы замужем? – спросила Бероева, присаживаясь в стоящее боком кресло и делая мне знак последовать ее примеру.

Я кивнула.

– А я вот – нет, – усмехнулась она. – Одна Федюшку растила – с того самого дня, как родила. Но я не жаловалась, а теперь...

Она развела руками. Я во все глаза смотрела на эту женщину. Она лишилась самого дорогого на свете, но не выглядела сломленной. Видимо, держать себя в руках Анна умудрялась лишь мыслями о том, что должна решить загадку гибели сына. «А что, – спросила я себя, – если никакой загадки нет? Допустим, парни действительно погибли по собственной глупости. Забыв на минуту о том, что военная часть, где погибли ребята, пользуется дурной славой, можно ли с уверенностью сказать, что дело пахнет чем-то незаконным – разве в армии не происходит несчастных случаев? Что станет с Бероевой, если выяснится, что все именно так, как ей сообщили в письме – найдет ли она в себе силы жить дальше?»

– Анна Емельяновна, – сказала я, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно, без излишних эмоций, – мне кажется, вам все-таки стоит поговорить со специалистом. Вот, возьмите, – и я протянула ей выгашенную из сумки визитку Павла Кобзева, психиатра и моего коллеги по ОМР. – Это очень хороший специалист, – пояснила я, пока Бероева нерешительно вертела карточку в руках. – Обратиться за помощью – это в порядке вещей и вовсе не означает, что вы ненормальная! Каждому человеку в определенные моменты требуется поддержка.

– А вы сами обратились бы к нему? – испытующе глядя мне в глаза, спросила Бероева.

– Обращалась, и не раз, – честно ответила я. – Потому и могу с легкой душой рекомендовать его всем, кому требуется консультация такого рода.

– Я подумаю, – кивнула Бероева.

- Кстати, у вас сохранились письма Федора? – сменила я тему.
- Конечно! Принести?
- Если не возражаете.

Анна Емельяновна подошла к комоду у противоположной стены. Ей пришлось отодвинуть его, чтобы прижатые к стенке на время уборки шкафчики можно было открыть, и она извлекла толстую пачку писем. Странно было видеть, что в наш век электроники и Интернета кто-то по-прежнему строчит письма от руки! Словно прочитав эту мысль на моем лице, Бероева сказала:

– Федя писать не очень любил. Обычно он присылал эсэмэски, но иногда, если было что сказать, писал. Он знал, что мне интересно, как они там живут, чем дышат... Кстати, все сообщения я до сих пор храню в телефоне – не хватает духу стереть. В последнюю неделю он сообщений не присылал, и я заволновалась. Как выяснилось, не зря!

– Я могу взять письма на время? – спросила я.

– Если обещаете вернуть. Только ничего подозрительного в этих письмах нет: знали бы вы, сколько раз я их перечитывала в поисках ответов на свои вопросы!

– Все-таки я бы тоже почитала, – сказала я. – Свежим взглядом, так сказать.

– Ну, попробуйте – чем черт не шутит! – согласилась Бероева.

– Вы же в прокуратуре работаете? – уточнила я.

– Точно. Только никакой высокой должности не занимаю – может, потому мне и не удается пробить стену молчания?

– Вы пытались заставить кого-нибудь на вашем месте работы связаться с военной прокуратурой?

– А как же, до сих пор пытаюсь! – развела она руками. – Буду и дальше пытаться, только сдастся мне, с мертвой точки это дело не сдвинется! Может, Комитет солдатских матерей... Это Инга Шацкая к вам обратилась, да? Значит, она ничего сделать не может?

– Нет-нет, – поспешила успокоить я женщину. – Инга ко мне не обращалась – мы просто разговорились на похоронах. Понимаете, строго говоря, ОМР ведь не имеет отношения к тому, что случилось, – мы только проблемами в сфере медицины занимаемся. Я лишь хочу помочь коллеге выяснить, что произошло с ее сыном. Совершенно ясно, что смерть Кости связана с гибелью и вашего Феде.

– То есть ваше расследование неофициальное?

– Нет, но я обещаю, что сделаю все от меня зависящее, чтобы выяснить правду.

– Что ж, – медленно проговорила она, – это лучше, чем ничего! По крайней мере вы и Инга – единственные люди, которые предлагают хоть какую-то помощь. Все говорят мне, что в военные дела соваться бесполезно: что туда попало, то пропало – мой непосредственный начальник прямо так и выразился, представляете?!

* * *

– Значит, ничего подозрительного? – уточнил майор Карпухин, вертя в пальцах одно из писем.

– Это ни о чем не говорит, – возразила я. – Во-первых, письма из армии, как и из тюрьмы, проходят, как это – пер...

– Перлюстрацию, – кивнул он.

Артем Иванович Карпухин работал с Отделом с самого дня его основания. Являясь не только координатором ОМР, но и личным другом Андрея, майор здорово помогал нам. Не скрою, и нам приходилось выручать его, поэтому именно Карпухин был человеком, на которого я могла рассчитывать в деле Костика Макарова.

– Во-вторых, – продолжала я, – если что и происходило в части, парни могли бояться писать правду!

– Думаете, дело в дедовщине? Кто-то, может, избивал или унижал их, да так, что в один прекрасный день перестарался, и...

– Вполне вероятно. Но я была не совсем точна, сказав, что не нашла в письмах Кости ничего подозрительного, Артем Иванович – вот, поглядите.

На журнальный столик между нами легло еще несколько листков бумаги, исписанных мелким, неразборчивым почерком. Карпухин бегло просмотрел их.

– Знаете, Агния, – хмыкнул он, – тут дешифровальщик нужен – абсолютно нечитаемая писанина! Неужели вы разобрались?

– Разобралась, потому что очень хотела. Ничего необычного не замечаете?

Он снова пролистал письмо.

– Да нет на первый взгляд...

– Ну вот же, посмотрите! – И я ткнула пальцем в нижний край одного из листков.

– Вы про номер страницы? Ну да, парень хоть и писал неразборчиво, но зато, похоже, отличался педантичной аккуратностью.

– Вы цифру хорошо видите?

– Ну да – «два».

– А другие листы?

– Вот четвертый, первый... Третьего нет!

– Именно!

– Может, у матери затерялся?

– А все остальные на месте. Вы не допускаете мысли о том, что кто-то изъял эту страницу?

– Бросьте, Агния, не проще ли было вообще не отсылать письмо, если в нем находилось что-то криминальное?

– Не скажите: парень, видимо, ожидал от матери ответа. То, что она не получила послания, могло вызвать ненужные подозрения. Что, если письмо отправили без той страницы специально? Почерк у Федора мелкий, а номера листов – вообще микроскопические, поэтому ни вы, ни мать, ни я поначалу не заметили отсутствия листка. Кроме того, обратите внимание на цвет чернил.

– Вот эти светлее, по-моему...

– Верно. Это говорит о том, что парень писал в разные дни разными ручками.

– Вполне правдоподобно, ведь у солдата не так много свободного времени, и одно письмо могло писаться неделю, а то и две!

– А теперь посмотрите на дату на штемпеле. – Я подвинула к майору конверт.

– И что?

– А то, что именно это письмо, судя по всему, стало последним перед тем, как Федор и Костик сбежали из части!

– Думаете, там было что-то, о чем он хотел рассказать матери, и это могло бы объяснить его поступок?

Карпухин ненадолго замолчал.

– Знаете, Агния, – проговорил он неуверенно, – вас послушать, так тут теорией заговора пахнет!

– А вы предлагаете принять странную версию военных о том, что два парня в один и тот же день погибли на стрельбах?

– Ну, всяко бывает... – развел руками майор. – От меня-то вы чего ждете? К военным я не полезу – увольте! Во-первых, это не мой участок – пацаны погибли у черта на куличках, под Хабаровском. Во-вторых, что важнее всего, военные не подпустят гражданских к своим делам.

– Это если не удастся доказать, что имел место криминал, – возразила я.

– Правильно, – кивнул он. – Но как вы сможете это доказать, если вас и на пушечный выстрел не подпустят к заставе? Да и, честно говоря, не ваше это дело, Агния Кирилловна: к медицине проблема отношения не имеет, а значит, ни вам, ни мне тут ловить нечего!

– А я и не говорю, что это – дело для ОМР, просто мне хочется что-нибудь сделать для Алевтины. Разве это так уж удивительно?

– Нет, конечно, – примирительно согласился Карпухин. – И я не против оказать вам содействие, но пока не пойму, чем могу быть полезен. Вот если вы предоставите мне что-то более весомое, чем отсутствующий листок бумаги, я попробую что-нибудь предпринять, а пока...

«Что ж, – решила я, – это справедливое требование, ведь я еще сама не знаю, есть ли в деле погибших солдатиков повод для расследования. Может, как со мной частенько случается, я придумываю проблему, а потом принимаюсь за ее решение?»

* * *

Каждые выходные мы с Шиловым проводим в новом доме. Там еще не закончен ремонт, но рабочие, как и все, отдыхают по уик-эндам, поэтому никто нас не беспокоит. Моя семья никогда не голодала, но родители, потомственные интеллигенты, отнюдь не жировали. Выйдя замуж за Славку, неудачливого бизнесмена, я познала настоящие лишения. Пока родители работали и помогали молодой семье, нам как-то удавалось сводить концы с концами. После смерти папы и маминого выхода на пенсию стало худо, и мы едва-едва умудрялись выживать. Я уже не говорю о тяжелых временах, когда Славка находился в бегах, а я выплачивала его долги². Так что этот дом вобрал в себя все, о чем я когда-либо мечтала, и все же я не ощущала себя счастливой. Когда Олег объявил о приобретении, я поняла, что попала в ловушку. Мы находились на грани разрыва, и я уже намеревалась согласиться на предложение Андрея – и тут Шилов с новой хатой, демонстрирующей его желание начать все сначала. Каждый раз, входя сюда, я чувствую себя виноватой. Перед Андреем – за то, что дала ему отставку, несмотря на то, что люблю его. И перед Олегом, потому что он не знает о моей связи с Андреем или знает, но предпочитает делать вид, что это не так. И перед ними обоими – из-за ребенка, который развивается в моем чреве, а я даже не знаю, хочу ли его!

– Ты сегодня подозрительно тихая, – заметил Олег, отбирая у меня пустую тарелку с недоеденными вегетарианскими голубцами. – И аппетит что-то не ахти!

Видел бы он меня в больничном буфете – коллеги только переглядываются, наблюдая за тем, какое количество пищи исчезает в моем желудке в каждый обеденный перерыв. Уверена, они уже догадываются о моем положении, а вот Шилов, несмотря на докторскую степень и положение директора клиники, ни сном ни духом! Я по полчаса провожу перед зеркалом, крутясь во все стороны и пытаюсь понять, насколько округлился мой живот. К счастью, пока еще ничего не видно, однако грудь моя увеличилась в размерах, и остается лишь удивляться невнимательности Шилова.

– Ты не больна, Агния? – озабоченно спросил Олег, не получив ответа на свои предыдущие реплики.

– Я? Да нет, что ты! Просто проблемы на работе, – соврала я, не моргнув глазом.

– Я давно просил тебя подумать о том, чтобы уволиться, – качая головой, сказал Шилов. – Речь не о том, чтобы оставить врачебную практику, – тут же добавил он, заметив мой протестующий жест. – Ты могла бы, скажем, пойти ко мне – хороших анестезиологов всегда не хватает!

– Ну уж нет, Шилов! – воскликнула я, смеясь. – Работать под началом у собственного мужа – уволь!

² Читайте об этом в романе Ирины Градовой «Окончательный диагноз».

– Это в порядке вещей.

– Меня вполне устраивает мое нынешнее место. Говоря о неприятностях, я имела в виду не совсем рабочие проблемы. Ты же помнишь, что у моей анестезистки сын погиб?

– Значит, это из-за Алевтины ты ходишь как в воду опущенная?

– И еще потому, что чувствую – в этом деле что-то нечисто.

– Опять? – вздохнул он. – Ты во всем ищешь подвох!

В этот момент зазвонил мой телефон. Звонила Инга Шацкая.

– Агния, – быстро и по-деловому, словно мы давние знакомые, заговорила она в трубку, – у меня есть новости. Мне удалось выяснить, что троих парней, погибших в той же части, что и Макаров с Бероевым, доставили родителям в цинковых гробах. Они были из осеннего призыва, а наши ребята – из весеннего.

– В цинковых гробах, говорите? Но насколько мне известно, такое делается, если тела изуродованы, так?

– Обстоятельства их гибели так же темны, как и в нашем случае, – сухо ответила Инга. – Формулировки военного начальства звучат неопределенно и даже издевательски – они ничего не объясняют, просто не считая это нужным: мальчишки погибли «на службе Родине» – этого, очевидно, должно быть достаточно! Кстати, сначала родители получили известие о том, что их дети пропали без вести.

– Пропали без вести – в мирное время?! – не поверила я.

– Ну, возможно, так они пытались замаскировать слово «дезертировали»? – предположила Инга.

– Просто сюрреализм какой-то! Почему военная прокуратура не заинтересована выяснить, что творится в этой части?

– Я по опыту знаю, что несчастные случаи в армии происходят сплошь и рядом. Как правило, они являются следствием неуставных отношений. Раньше старослужащие избивали новичков и издевались над ними. Теперь более сильные прессуют более слабых. Но случаи с Макаровым, Бероевым и тремя другими погибшими выглядят не совсем обычно!

– И не говорите!

– Я раздобыла адреса родителей, – продолжала Инга, – но в данный момент у меня нет возможности самой поговорить с ними – улетаю в командировку за границу по основной работе. Я тут подумала... Раз уж вы принимаете такое участие в жизни Алевтины Макаровой, может, поможете?

– Это далеко от Питера?

– Да нет, один адрес под Всеволожском. Так как, съездите?

– Диктуйте!

* * *

Никита вызвался поехать со мной. Я обрадовалась: честно говоря, не хотелось пользоваться общественным транспортом, а Никита на машине. Кроме того, надежное мужское плечо рядом никогда не помеха.

Найти Смоляниновых оказалось не так-то просто. Во-первых, поселок Рахья находился довольно-таки далеко от самого Всеволожска, и дорога к нему оказалась настоящим испытанием даже в теплое время года. По всей протяженности трассы велись ремонтные работы, и мы продвигались с черепашьей скоростью. Наконец Никита выехал на главную улицу поселка и притормозил.

– Думаю, придется воспользоваться технологией опроса местного населения, – сказал он после того, как в течение нескольких минут внимательно изучал карту.

Выйдя из автомобиля, мы принялись останавливать людей, спрашивая, как найти нужный нам дом. Никто не мог помочь, но одна из старожилов предположила, что дом Смоляниновых, возможно, частный.

– Здесь повсюду коттеджные поселки, – сказала женщина. – Там богатеи проживают, но остались еще дома, из которых люди выезжать отказываются. Рано или поздно их все равно выселят!

Наводка местной жительницы оказалась верной, и через сорок минут блужданий мы наконец обнаружили нужное строение. Большое, но заметно покосившееся, окнами оно глядело в тупик, которым заканчивалась небольшая кривая улочка.

– Что-то не похоже, что тут кто-то живет, – пробормотал Никита, подходя к забору и пытаясь разглядеть территорию. Это оказалось нетрудно: колья торчали редко. За ними виднелись останки парников и густые заросли малины.

– Эй, хозяйева! – крикнул Никита.

– Есть кто дома? – присоединилась к нему я.

Мы прислушались в ожидании ответа.

– Чего орем?

Обернувшись через улицу к домику, больше походившему на скворечник, мы увидели пожилую женщину. Она стояла, опершись обеими руками на аккуратно выкрашенный зеленой краской заборчик.

– Вы здесь проживаете? – вежливо поинтересовалась я.

– А что, похоже, что в гости пришла? – не слишком любезно ответила она вопросом на вопрос.

– Соседей своих хорошо знаете? – спросил Никита.

– Каких таких соседей – Смоляниновых, что ли? Ну, знала я их – дальше что? Вы-то небось из строительного треста, да?

– Почему вы так решили? – полюбопытствовала я.

– А ваши тут днем и ночью шастают, покоя не дают! – усмехнулась она. – Только я ничего продавать не собираюсь: всю жизнь прожила в этом доме и надеюсь смерть свою тоже здесь встретить!

– Мы не имеем никакого отношения к тресту, – поспешила успокоить я местную жительницу. – Мы по другому вопросу.

– Интересно, это по какому же?

В водянистых глазах собеседницы зажегся огонек интереса.

– По поводу их сына.

– Ванюшки-то? – удивленно протянула она. – Так он же помер!

– Мы в курсе, – сказал Никита. – По этой причине и решили нанести визит Смоляниновым.

– Так нету больше никаких Смоляниновых, – развела руками соседка. – Один Гоша остался, да и тот в психушку угодил!

– Гоша – это Георгий Устинович Смолянинов? – уточнила я.

– Ага.

– А его жена как же? – спросил Никита.

– Померла – уж пару месяцев тому. Как про сына узнала, а он ведь у них единственный, так и зачахла. А потом Гошка ее в сараюшке нашел, повесилась она.

– Господи, кошмар какой! – не сдержалась я.

– И не говорите... Погодьте, а что мы тут-то стоим? – внезапно спохватилась соседка, сменив гнев на милость после того, как выяснила, что мы не принадлежим к компании застройщиков. – Давайте-ка в дом, а то дождь вон собирается!

Дом у Прасковьи Евграфовны Хвощевой оказался самым что ни на есть деревенским – даже странно встретить такой вблизи большого города! Русская печь, разделяющая кухню и спальню, сейчас горела, и вкусный запах настиг нас уже в сенях. Заметив, как я с вожделием тяну носом, старушка хитро усмехнулась и спросила:

– Каши пшенной не желаете, гости дорогие?

– Э-э, – нерешительно протянула я, – неудобно как-то...

– Да чего ж тут неудобного? Давайте-ка садитесь за стол!

Имея мужа-вегетарианца, дома я частенько готовлю каши, и пшенка – одна из любимых мною тем. Я добавляю в нее курагу и изюм, яблоки и сушеную вишню, стремясь сделать это исконно русское блюдо как можно вкуснее. Однако то, чем потчевала нас Прасковья Евграфовна, не шло ни в какое сравнение с моими кулинарными изысками. В состав ее пшенной каши входили обычные ингредиенты, но ничего вкуснее я в жизни не пробовала. Может, дело в том, что молоко было деревенским, а масло – взбитым собственноручно?

– Значит, – сказала я, отставляя наконец тарелку, – Елена Смолянинова покончила с собой?

Пожилая женщина перекрестилась.

– Царствие ей небесное! Для Ленки-то это вообще невероятно, ведь она набожная была... Я ее с детства знала – еще до того, как она Гошку привела. И он тоже ей под стать оказался, и сынок ихний, Ванечка, хорошим пареньком вырос. И вот – такое!

– Отец из-за случившегося в психбольницу попал? – спросил Никита. – После смерти жены?

– Ага. И слава богу, а то ведь и посадить могли!

– За что? – удивилась я.

– За вандализм – вот за что! – изрекла Хвощева, воздев к потолку узловатый палец.

– За... что?

– За осквернение могилы, – спокойно повторила она. – Он могилу сына вскрыл.

– Да вы что?! – вырвалось у меня. – Зачем?

– Ваню-то в цинковом гробу доставили, знаете?

Мы с Никитой одновременно кивнули.

– В письме сообщили, что он *подорвался на mine*.

– На mine? – спросил Никита.

– Вот и Гоша спросил – откуда мина-то? Он военкомат и прокуратуру письмами забросал – не дурак, даром что деревенский!

– И что ему ответили?

– Сначала игнорировали просто. Но Гоша не унимался, и позже все-таки отписали, что, дескать, мина была времен Отечественной войны.

– Он же на границе с Китаем служил? – уточнил Никита.

– Вроде так.

– И откуда же там, пардон, мина времен Второй мировой?

Мне этот вопрос даже в голову не приходил. Прасковье Евграфовне, видимо, тоже.

– Ну, не знаю, – покачала она головой. – Им, наверное, виднее. Только Гошка военным тоже не поверил. Он решил, что дело с сыном нечисто, но никто и слушать не хотел. Участковый наш его открыто послал куда подальше, вот Гошка и решил сам правды добиться. Да только не вышло ничего: повязали его. Хорошо, адвокат попался знающий, доказал, что Гоша невменяемый, вот его в психдиспансер и упрятали. С тех пор он там сидит, а эти застройщики тут так и шастают. Видят, что дом бесхозный стоит, и облизываются, ироды! Да только мы тоже не лыком шиты, законы знаем. Не могут ведь они дом захватить, пока хозяин жив, хоть и на принудительном лечении?

– Нет, конечно, – уверенно ответила я. – А навестить Георгия можно?

– Может, и можно, – с сомнением в голосе сказала Хвощева. – Только ведь их там дрянью всякой пичкают – вдруг у него и вовсе крыша съехала? Да вы лучше с ветеринаром нашим поговорите, Никитичем: он все вам получше Гошки расскажет.

– Что за ветеринар?

– Прохор Никитич – хороший мужик, только сильно пьющий. Кстати, он ведь едва-едва не загремел под фанфары вместе с Гошкой!

– А он-то за что? – изумилась я.

– За то, что вскрытие провел.

– Ветеринар – провел вскрытие? – недоверчиво переспросил Никита.

– А что? Он, между прочим, отличный специалист. Вот если бы не пил, как сапожник, цены б ему не было! Знаете, как он с коровами? Как с царицами! И кроликов лечит, и кур...

– Мы верим, что ваш Никитич – гениальный ветеринар! – поспешила заверить я женщину. – Но как же все произошло?

– Да как, как... Гошка, устав по инстанциям бегать да отписки получать, решил сам до сути докопаться. Выпил он крепко, пришел на кладбище, да и выкопал Ваньку. У соседа из дачного поселка раздобыл автоген, разрезал гроб, погрузил тело на тележку и отвез к Никитичу. Там они еще на грудь приняли и разрезали парня – вот и все.

– Что – все?

– Да не знаю, нашли ли чего, только кто-то видел, как Гошка на кладбище копошился, и участковому стукнул. Задержали их прямо в доме у Никитича. Его тоже судить собирались, но вступилось поселковое начальство: он у нас – единственный ветеринар на всю округу, даже богатеи местные из коттеджных поселков к нему со своей живностью ездят. Гошка всю вину на себя взял, сказал, что заставил Никитича буквально под дулом пистолета! В общем, Никитича пожурили да отпустили, а вот Гошке легко отделаться не удалось... С другой стороны, в психушке все же лучше, чем в тюрьме, да?

Она с надеждой посмотрела на нас, ища подтверждения своему предположению.

– Намного, – кивнул Никита. – Более того, у Георгия много шансов выйти оттуда сравнительно скоро.

– Да, вот только зачем? – вздохнула Хвощева, и ее маленькое личико сморщилось, став похожим на печеное яблоко. – Семьи у него больше нет, работы – тоже... Раньше тут лесопилка была, все наши мужики там работали, а теперь, когда землю усиленно скупает строительный трест, хозяин лесопилку ликвидировал – говорят, перевез за двести километров к северу. Так что Гошке тут делать особо нечего!

Никитич жил на другом конце поселка. Как и предупреждала Прасковья Евграфовна, большинство домов стояли заброшенными, с дворами, заросшими высокой травой. Скорее всего, трест вел переговоры с родственниками умерших стариков о продаже собственности, и недалек тот час, когда здесь вырастут дома состоятельных людей, спешно меняющих город на пригород из желания жить на свежем воздухе. Однако дом ветеринара выгодно отличался от других: сразу становилось ясно, что здесь живет зажиточный человек. Фундамент приподняли, участок выложили плиткой, в окнах стояли стеклопакеты – очевидно, богатые клиенты Никитича, возившие к нему своих собачек и кошечек, неплохо платили.

Прохор Никитич встретил нас без энтузиазма.

– Значит, вас Евграфовна прислала? – крикнул он, усаживаясь на стул и делая нам знак последовать его примеру. Маленькая хрупкая женщина в платке несмело заглянула в комнату с вопросом:

– Может, чаю, Проша?

– Тащи, – милостиво согласился ветеринар. – Жена моя, Ольга, – пояснил он для нас.

Мой чуткий нос уловил запах перегара, и я слегка отодвинулась. Скорее всего, это – остаточное явление со вчерашнего дня, так как, насколько я могла судить, в данный момент Никитич был абсолютно трезв.

– Прасковья Евграфовна сказала, что вы помогли Георгию Смолянинову с телом его сына, – без обиняков заявил Никита.

– Я уже все рассказал! – нахмурился ветеринар.

– Но мы хотели бы помочь...

– Да чем вы можете-то? – передернул плечами Никитич. – Гошка в психушке, женка его померла, а сын...

– Вот как раз о сыне-то мы и хотели с вами поговорить, – торопливо проговорила я. – Прасковья Евграфовна сказала, что вы проводили вскрытие тела Ивана – это правда?

– Ничего я не проводил! – взерошился мужчина. Его руки, сложенные на коленях, сжались так сильно, что костяшки пальцев побелели. – Гошка все следователю рассказал: до вскрытия дело так и не дошло, нас схапали еще до того, как я приступил!

Глаза ветеринара бегали, и было ясно, что он откровенно врет.

– Вам нечего бояться, Прохор Никитич, – сказала я, стараясь, чтобы мой голос звучал мягко и проникновенно. – Дело о вандализме и незаконном вскрытии закрыто, и никто не сможет вновь его возбудить. Нас интересует, что вы обнаружили при проведении аутопсии.

– Я же сказал – не было никакой *аутопсии*! – буркнул Никитич, отворачиваясь к окну. Теперь я видела только одну половину его лица. – За кого вы меня принимаете? Я не патологоанатом, а всего лишь ветеринар! Коровы, овцы, кролики, собаки, на худой конец, но людьми я не занимаюсь...

– Да скажи ты им, Проша, – со вздохом произнесла его жена, ставя на стол чайник. – С тех пор он спать перестал, – пожаловалась женщина, обращаясь к нам. Ее бледное лицо оказалось моложе, чем я решила вначале – наверное, из-за тонких губ, сложенных в горестную гримасу. – Пить стал больше, по ночам кричит...

– Да ладно тебе, Оль! – отмахнулся ветеринар. – Нет ничего такого.

– Да как же нет-то? – возмутилась она. – Мы же в одной кровати спим – слава богу, я не глухая, не слепая!

– А жаль, – сквозь зубы пробормотал ее муж.

– Господи, да что же вы там такого обнаружить могли, что не спите по ночам?! – спросила я.

– А то, что Ванюшку выпотрошили, как куренка! – понизив голос почти до шепота, ответила Ольга.

– То есть? – переспросил Никита.

Честно говоря, я тоже ничего не поняла.

– А то и есть, – хмыкнул ветеринар. – Парня *уже* вскрывали.

– Но это же нормально! – сказал с облегчением Никита. – В таких случаях необходимо проводить вскрытие.

– Что-то я не слышал, чтобы при вскрытии удаляли все органы, – буркнул ветеринар.

– Что-о-о? – одновременно взвизгнули мы с Никитой.

– Все вытащили – почки, печень, сердце, легкие, гипофиз... Кстати, ни о каком взрыве, о котором писалось в похоронке, и речи быть не могло: ни малейших следов я не обнаружил!

– За этим и понадобился цинковый гроб! – едва слышно пробормотала я.

– Точно! – закивал Никитич. – Когда Гошка это увидел, с ним настоящий припадок случился. Я испугался, что он либо меня грохнет, либо сам убьется, и вызвал «Скорую». А вместе с ней прискакал участковый с помощниками: оказывается, кладбищенский сторож видел, как Георгий выкапывал гроб. Сначала думал, ему с пьяных глаз померещилось, что привидения по погосту бродят. Потом отсиделся, в себя пришел да и позвонил участковому.

– А милиция видела, в каком состоянии находилось тело Ивана? – спросила я.

– А как же? – пожал плечами ветеринар. – Все они видели.

– И ничего не предприняли?

– Не-а – кому охота с трупом возиться, к тому же – уже однажды похороненным? А чего вы удивляетесь? – спросил мужчина, видя наши с Никитой ошарашенные физиономии. – У нас ведь тут не Питер, а даже там такое случается! Если кому-то надо, конечно.

– И кому же было надо, по-вашему, чтобы дело замяли? – спросил Никита.

– Ну, во-первых, самому участковому: ему эти проблемы ни к чему, тем более что Георгия признали невменяемым: дескать, с горя он умом тронулся.

Я кивнула.

– Во-вторых, дело имело резонанс, и к нам в один прекрасный день сюда нагрянули люди в форме. Я ведь под судом ходил и не знал, посадят или не посадят. Грешным делом, Гошку клял на чем свет стоит – за то, что втянул меня... Но теперь-то понимаю, что прав он был, пытаюсь правду о сыне выяснить. Он ведь перед тем, как решился могилу вскрыть, все инстанции обошел, и нигде ему не помогли – к кому еще ему было пойти, как не ко мне?!

– Вас запугивали? – спросил Никита, поняв, к чему клонится дело. – Те люди в форме?

– Не то чтобы запугивали, – усмехнулся Никитич, – но советовали попридержать язык. Я ведь и сам понимал, что нельзя было идти на поводу у Георгия, что мы против закона действовали, а те военные просто намекнули, что судья мне может по полной впасть – в отличие от Гошки, на психушку рассчитывать не приходилось! Вот я и сдрейфил, переписал заявление под их диктовку. Из дела мое первое заявление пропало, а на его месте возникло второе, где я писал, что мы с Георгием перепились, выкопали тело его сына и устроили ему поминки. Это-то и стало последним доказательством того, что Гошка безвозвратно сбрендил.

– И как же вам удалось избежать судебного преследования?

– Сам не пойму! – пожал плечами ветеринар. – Наверное, те военные подсутились?

– Ну да, конечно, – проговорил Никита сердито. – Им же было невыгодно, чтобы на суде всплыли факты, которые они так старались скрыть!

– Да и глава нашей местной администрации вступился, – вмешалась Ольга. – Проша – единственный специалист на всю округу, и среди богачей местных о нем добрая слава идет – они тоже поддержали решение о том, чтобы простить моего мужа! Простить, представляете?!

Ну что тут скажешь?

– А как по-вашему, – заговорила я спустя несколько минут, – Георгий в самом деле умом тронулся или его просто хотели упрятать подальше с глаз?

– Знаете, – с сомнением в голосе ответил Никитич, – когда я «Скорую» вызвал, мне казалось, что сбрендил он конкретно, но потом мы с ним виделись – у следователя, во Всеволожке.

– Вам удалось поговорить?

– Да, только назвать это разговором язык не поворачивается! Видя, как я испугался, Гошка взял вину на себя и сказал, что заставил меня. А я, видите, предал его, получается...

– На вашем месте любой бы так поступил, – сказал Никита. – Георгий ведь в больницу попал, и вы остались один на один с теми, кому ваше молчание было гораздо выгоднее, нежели истина!

– А вы что делать собираетесь? – спросил ветеринар.

– Похоже, – осторожно, стараясь не сболтнуть лишнего, ответила я, – Смоляниновы – не единственные пострадавшие.

– В самом деле? – вскинул голову Никитич.

– Еще несколько родителей получили детей в цинковых гробах, и все из той же части, что и ваши соседи.

Ольга переглянулась с мужем.

– Говорите, Ивашка не один такой? – уточнил Никитич.

– Мы пока не уверены, – быстро ответил Никита, опасаясь, что я выложу супругам больше положенного. – Признаться, идя к вам, мы никак не думали, что дело примет такой оборот, и нам нужно многое обдумать.

– Если можно, – добавила я, когда он умолк, – дайте адрес психиатрической больницы, где лежит Георгий?

– Она называется «Психотерапевтический реабилитационный центр», – поправил меня ветеринар. – В Ново-Девяткино располагается, а адреса, уж извините, не знаю!

– Ничего, мы найдем, – заверила его я.

– Если Гошка не... того, – сказал Никитич, провожая нас до ворот, – передавайте ему привет. И еще скажите, что я не хотел менять показания, просто... В общем, так уж вышло!

* * *

Поговорить с Георгием Смоляниновым нам не удалось. Приехав в Ново-Девяткино, мы направились напрямик в центр реабилитации, но там нам сказали, что в состоянии пациента Смолянинова наступило ухудшение, поэтому его перевели в одноместную палату и обкололи успокоительными во избежание дальнейших инцидентов. Когда мы попытались выяснить, что произошло, лечащий врач ответил, что Георгий напал на санитаря. При этом он ругался и кричал, что у него убили жену и сына, а теперь хотят и его сгноить в психушке.

– Знаете, – между прочим заметил психиатр, – в какой-то степени мужика можно понять: он за очень короткий период времени лишился всей семьи – немудрено, что свихнулся!

Слышать от специалиста в психиатрии такое народное слово «свихнулся» было несколько странно, но потом я подумала, что в мире, наверное, мало врачей, подобных Павлу Кобзеву из Отдела медицинских расследований – вот он-то уж никогда не позволил бы себе подобных высказываний! Даже слово «психушка» было исключено из его лексикона.

– А зачем вы с ним поговорить-то хотите? – неожиданно поинтересовался доктор.

– Речь о его покойном сыне... – начала я, но психиатр прервал меня нетерпеливым взмахом руки.

– Нет-нет, только не о нем! У Смолянинова случаются минуты просветления, но любое упоминание о сыне повергает его в состояние глубочайшей депрессии.

– Уточните его диагноз, пожалуйста, – попросил Никита.

– Параноидальный психоз. Но это – больше для следователя и прокурора, конечно.

– То есть? – не поняла я.

– Смолянинова могли посадить за вандализм. За *вандализм*, представляете?! А за что его сажать-то – за то, что пытался правду о смерти сына выяснить?

– Значит, Смолянинов дееспособен? – уточнил Никита.

– Абсолютно. Во всяком случае, станет таким, когда мы его выпишем. Но вот когда это произойдет, я сказать вам не могу: отпустить Смолянинова сейчас – означало бы подвергнуть опасности его жизнь.

Мое первое мнение о враче из маленького психиатрического диспансера на окраине города оказалось ошибочным: далеко не каждый психиатр решился бы поставить более тяжелый диагноз пациенту только из жалости, рискуя собственным местом!

– Ну и что будем делать? – спросил Никита, когда мы, оголодавшие за день беготни, присели в кафе.

Прежде чем я успела ответить, зазвонил мой мобильный.

– Агния Кирилловна?

Вот не ожидала услышать голос Карпухина, ведь он вроде бы не заинтересовался моим делом.

– Я тут навел справки по вашей просьбе, – сказал майор, и я подумала, что, как обычно, ошиблась в Карпухине: он ни о чем не забывал и все старался довести до логического конца. – Как и предполагалось, пробиться сквозь стену военной тайны оказалось почти невозможно, – продолжал он, – и я воспользовался наводкой Андрея. Я разговаривал с ним по телефону, и он дал мне одно имечко. Короче, Агния, по-моему, вы случайно копнули землю лопатой и выкопали целый могильник!

– То есть?

– Вот что мне удалось выяснить. Во-первых, из части, где служил покойный сын вашей коллеги, дезертировал еще один кадр по имени Арсен Кочарян.

– Армянин? – удивилась я.

– Да он такой же армянин, как и мы с вами, – хмыкнул майор. – В том смысле, что призывался он из Питера. Мать русская, отец уже в третьем поколении проживает здесь, так что... Хотя в чем-то вы, несомненно, правы: армяне умеют устраиваться, и мне непонятно, как он загремел в Хабаровск, когда могли бы забрать в область!

– Не скажите, Артем Иванович, – возразила я. – Насколько мне известно, погранзаставы в том районе считаются неплохим местом службы – некоторые даже специально просят, чтобы их туда отправили.

– Возможно, спорить не стану. Так вот, насчет нашего дезертира: его до сих пор не нашли.

– А домой он не возвращался?

– Думаете, я не проверял?

Голос Карпухина звучал оскорбленно.

– Скорее всего, парень скрывается недалеко от заставы. Оттуда не так-то легко добраться до Питера, особенно без документов и денег. Что интересно, поначалу начальство пыталось замолчать факт дезертирства. Тревогу подняли родители Кочаряна, когда он внезапно перестал звонить. Мать утверждает, что ее сын звонил ей чуть ли не каждый день, а тут уже больше недели от него ни слуху ни духу. Направили запрос в часть, но ответа не получили.

– Разумеется, – усмехнулась я в трубку. – Каждый документ по законам российской бюрократии должен вылежаться по меньшей мере месяц!

– Полагаю, дело не в этом, – возразил майор. – Кому понравится, что с заставы бегут солдаты?

– Но ведь об этом все равно узнают, рано или поздно?

– Видать, они надеются, что к тому времени парень отыщется – помыкается по дремучим лесам, оголодает да и придет с повинной. Другое дело, если бы он пропал под Питером – пешком можно дойти до дому! Но я ведь еще самого главного вам не сказал: Кочарян этот пропал аккуратно в тот самый день, когда, как утверждает в официальных письмах и отчетах, Бероев и Макаров «нечаянно подстрелили друг друга»!

– Да вы что?!

– Вот-вот, не падайте со стула – в тот самый день!

– Господи, но что же это получается? Получается, что, возможно, бежали все трое, а Федора и Костика...

– Подстрелила поисковая команда! – закончил за меня майор. – И, уж можете мне поверить, они этого ни за что не признают!

– А что должны делать с дезертирами, Артем Иванович? – растерянно спросила я. – Их не могут...

– Могут, Агния Кирилловна, – перебил майор. – Но только для этого должны сложиться определенные обстоятельства. Понимаете, одно дело, если парни сбежали, прихватив оружие, и начали, скажем, разбойничать в окрестных деревнях – тогда, разумеется, был бы отдан приказ их задержать любой ценой. Но даже в этом случае их нельзя просто убивать. В боевой обстановке ситуация несколько иная, и по законам военного времени дезертиров расстрели-

вают без суда и следствия. Сейчас войны нет, о захвате заложников, разбое и перестрелках речи не идет – что же тогда произошло, спрашивается? Военные не преминули бы сообщить о факте дезертирства и последующем задержании с летальным исходом. То, что они этого не сделали, говорит о том, что дело обстояло как-то иначе.

– Они хотят скрыть, что случилось на самом деле?

– Похоже на то, – вздохнул Карпухин. – Только вот ни вы, ни я с этим ничего поделать не сможем – где мы и где Хабаровск и это пресловутое село Казаково, где расположена часть!

– Значит, все спустят на тормозах? – спросила я сердито. – Парней, возможно, расстрелял патруль, но никто никогда не узнает правды?

Майор молчал в трубку.

– А что бы вы могли предложить, Артем Иванович? – спросила я, так и не дождавшись ответа.

– Надо бы провести эксгумацию тел, – неохотно сказал Карпухин. – Проверить характер ранений и выяснить, действительно ли парни стреляли друг в друга.

– И как получить разрешение на эксгумацию?

– Только через суд. Тянуться это будет несколько месяцев, и нет никаких гарантий, что суд решит вопрос положительно.

– А если получить разрешение от прокурора?

– От какого прокурора – от военного? Не дождетесь – они уже и так показали свою готовность «сотрудничать»! Можно что-то предпринять, если бы удалось доказать факт криминала, но как, простите, это сделать, не имея на руках результатов вскрытия?

– Да-а, – протянула я, – замкнутый круг какой-то получается...

– Так что вы собираетесь делать, Агния?

– Что я собираюсь делать?

– Бросьте, – хмыкнул Карпухин, – вы ведь не привыкли бросать дело на полпути! Только ничего по ходу не натворите, лады?

Он повесил трубку раньше, чем я успела отреагировать на его слова.

* * *

В одном майор Карпухин определенно прав: я не люблю бросать дело на полпути, а в деле Костика что-то явно нечисто, поэтому я решила проверить других потерпевших, упомянутых Ингой Шацкой. К сожалению, семьи Петра Терехина и Романа Бурко проживали в Кировске и Хабаровске соответственно, поэтому я решила позвонить. Конечно, звонок и личный визит – не одно и то же, но за неимением лучшего сойдет. По первому телефону со мной разговаривать отказались.

– Мы решили этот вопрос, – довольно грубо буркнул в трубку мужчина – как я поняла, отец Петра. – Не звоните больше, не травите душу!

Он тут же бросил трубку, и я, разочарованная, не сразу решилась на второй звонок – на этот раз Бурко. Инга дала мне номер мобильного матери Романа, а не домашний телефон, но трубку никто не снимал. Решив, что позвоню позднее, я отправилась на работу. Там царили суматоха и неразбериха: в приемный покой набилось столько народу, что буквально яблоку было негде упасть.

– Что случилось? – спросила я, обращаясь к дежурному хирургу.

– Какой-то дурдом, Агния Кирилловна – ну просто полный абзац! – отозвался запаренный Илья Гельман. – Лето на дворе, а народу с травмами – прямо как зимой!

– Значит, Павлу на сегодня работа обеспечена?

– Это точно! – хохотнул Гельман. – Он уже несколько раз спрашивал, не появлялись ли вы!

По пути к лестнице я с ужасом обозревала страждущий народ, с мученическими выражениями на лицах сидящий вдоль стен. Те, кто сидеть не могли, лежали на каталках, но их не спешили осматривать – Илья и так с ног сбивался. Выяснилось, что неподалеку от нас, на перекрестке, произошло крупное ДТП с участием маршрутного такси и всех свезли в нашу больницу, дежурную по городу. Врачам «Скорой помощи» было наплевать на то, что приемное отделение не способно справиться с таким безумным потоком клиентов, поэтому они все везли и везли пострадавших. Прямо посреди приемного покоя, перегородив узенький коридорчик, лежала молодая беременная женщина. Она тихонько постанывала, но подойти было некому. Некому, кроме меня.

– Вы здесь одна? – спросила я, наклоняясь над каталкой.

– Нет, – кряхтя, ответила она. – Муж... пошел за водой.

– У вас схватки?

– Нет, что вы! – испуганно выкатив глаза, воскликнула она и скривилась, словно от сильной боли. – У меня... перелом голени.

– Какой месяц?

– Восьмой...

– Надо срочно сделать УЗИ! – нахмурилась я. – Живот не болит?

– Ой, не знаю – так болит нога, что я остальных частей тела просто не чувствую!

В этот самый момент к нам подскочил низенький, тощий, здорово смахивающий на хорька мужичонка в белом халате.

– Вы, что ли, беременная? – громко спросил он. Я отметила про себя, что никогда раньше его не видела – немудрено, ведь я в основном работаю в операционной. Если он гинеколог, подумалось мне, то его вопрос звучит глупо: только слепой не увидел бы огромный живот пациентки! «Хорек» подозрительно просканировал меня цепкими маленькими глазками.

– Вы – родственница? – поинтересовался он.

– Я здесь работаю, в анестезии и реанимации.

– По-моему, она – не ваш клиент, – резко сказал гинеколог. – Ну, будем смотреть? – обратился он к девушке, привычным движением натягивая перчатку.

– Что – здесь?! – испуганно пискнула она, глядя на меня в поисках поддержки.

– А что такое? – нетерпеливо спросил мужчина, оглядываясь. Похоже, его нимало не смущало количество людей, половина которых принадлежали к мужскому полу. Ну, его, может, и не беспокоил столь «незначительный» факт, а вот пациентку и меня – очень даже.

– Вы хотя бы ширму натянули, что ли! – с упреком сказала я.

– А держать ее вы будете? – парировал он.

– Тогда нужно найти какое-нибудь помещение, – не сдавалась я.

– Вот и ищите, а пока ищите, мы тут быстренько...

– Нет! – взвизгнула пациентка, когда рука гинеколога скользнула под ее широкую юбку. Мне на мгновение показалось, что я присутствую при изнасиловании.

– Погодите! – почти так же громко, как и девушка, вскрикнула я. – Сейчас найдем что-нибудь!

Слома голову я кинулась по коридору, заглядывая во все двери. Кабинет маммографии, расположенный неподалеку от приемного покоя, оказался свободен, и я спросила сестричку – к счастью, знакомую, – можно ли нам на несколько минут воспользоваться помещением для осмотра пострадавшей беременной женщины. Сестричка разрешила, и я кинулась обратно. В ответ на отличную новость о свободном кабинете гинеколог недовольно поджал губы – видимо, он терпеть не мог терять время попусту. Однако ему ничего не оставалось делать, кроме как пойти за мной. Каталку толкал муж молодой женщины, к тому времени уже появившийся с пластиковой бутылкой воды из больничного автомата. Решив, что моя миссия выполнена, я направилась в отделение, то и дело поглядывая на часы: до первой плановой операции

оставалось не больше десяти минут, и, скорее всего, сегодня и у меня работы прибавится – с учетом того, что происходит в приемном покое. По дороге я размышляла над тем, почему вид одиноко лежащей среди прочих беременной пациентки вызвал во мне такое острое чувство жалости и сопричастности. Неужели дело в моей собственной беременности? Черт, а я ведь и думать об этом забыла, занимаясь делом Костика, а проблема-то куда не делась!

* * *

– Надо встретиться, – сказала Лариска в трубку. Голос ее звучал таинственно, и я подумала, что речь об очередном возможном «папе для девочек». Лариска – моя лучшая подруга. Она работает стоматологом и воспитывает троих девчонок. Лариска ни разу не была замужем, о чем постоянно плачется, а все дети родились от разных мужчин, с которыми в определенный момент жизни она надеялась связать свою судьбу. К сожалению, не получилось. Но моя подружка и не думает отчаиваться: она абсолютно уверена, что рано или поздно ее принц на белом коне выедет прямо из лифта и предложит руку, сердце и кошелек ей и ее дочкам. Я тоже в этом нисколько не сомневаюсь, ведь более храброго и целеустремленного борца за существование я не встречала!

– Даже не знаю, – пробормотала я в ответ на ее реплику. Ноги гудели после безумного дня в операционной, и я надеялась отлежаться на диване, тупо глядя в ящик.

– Я приеду, – сообщила Лариска и повесила трубку.

Я с тоской подумала о том, что плакали мои несколько часов тишины и покоя. С другой стороны, мы давно не виделись, а Ларискино общество неизменно доставляет мне удовольствие. У моей подруги есть неоспоримый дар болтать обо всем на свете и одновременно ни о чем, и это здорово расслабляет – почти как spa-процедуры.

Она ввалилась в квартиру, увешанная сумками с покупками.

– Заскочила в «МЕГУ», – протрещала она, сваливая пакеты на пол. Мой трехлапый курцхаар Юбер тут же принялся обнюхивать их на предмет наличия съестного. Одну лапу Юбер потерял в свою бытность подопытным животным на борту лайнера-госпиталя «Панацея», и мне удалось спасти его от дальнейших экспериментов – возможно, даже от верной смерти³. Для охотничьего пса потеря лапы, казалось бы, должна была стать фатальной, но, по-моему, Юбер чувствует себя прекрасно. И на трех лапах он скачет быстрее нормальных собак, поэтому никому и в голову не приходит считать его инвалидом. Шилов, правда, предлагал подумать о протезировании, но Юбер уже так привык к своей трехлапости, что протез только помешал бы ему наслаждаться жизнью. Потрепав собаку по холке, Лариска прошла в гостиную.

– Шилова нет? Это хорошо, – сказала она, плюхаясь на диван, который даже не прогнулся под ее весом. В Лариске всего-то килограммов сорок, поэтому лифт, не чувствуя ее веса, закрывается и уезжает, если она специально не держит двери руками. – Шилов нам сегодня вовсе ни к чему.

– Кофе будешь? – спросила я, чувствуя желание оттянуть разговор. У меня неплохо развита интуиция, и сейчас она подсказывала, что беседа предстоит не из приятных.

– И кофе, и супчику, если есть, и котлет, – закивала головой подруга. Она знает, что у меня всегда есть, чем поживиться в плане еды – просто не представляю, как она растит своих девчонок. Хотя, вру – вполне представляю, ведь старшей уже шестнадцать, и она отлично готовит.

На кухне я начала суетиться, разогревая пищу, когда в дверях появилась Лариска, не желающая сидеть в гостиной в одиночестве. Прислонившись к косяку, она сложила похожие на птичьи лапки руки на груди и уставилась на меня немигающим взглядом.

³ Читайте об этом в романе Ирины Градовой «Клиника в океане».

– Ну, говори! – не выдержала я. – Вижу же, что тебе невтерпеж!

– Это касается Шилова.

Лариска считала Олега идеальным мужем – до тех пор, пока мы с ней вместе не узнали о его измене.

– Я вчера вернулась из Москвы, с конгресса стоматологов, – продолжала она.

– И как, не зря съездила?

– Не зря, – хмыкнула Лариска. – То есть на конгрессе ничего интересного не было, зато на вокзале я видела Шилова.

– Ты что-то путаешь, – покачала я головой. – Олег в последний раз ездил в Москву две недели назад.

– А я не сказала, что видела его на вокзале в Москве – он был на Московском вокзале, здесь, в Питере.

– Встречал кого-то? – стараясь, чтобы мой голос звучал ровно, спросила я.

– Нет, провожал. *Ее*.

Я замерла над кастрюлей, до боли в пальцах сжав половник.

– *Ее?*

В уточнении не было необходимости: она – значит, та самая женщина, с которой Шилов мне изменял, его московская коллега. Когда он принял пост директора клиники, я понимала, что это означало продолжение их общения. Вероятно, мне стоило встать в позу и заставить Олега остаться на посту заведующего отделением в моей больнице, но тем самым я отказала бы ему в возможности построения блестящей карьеры. Кроме того, я никогда не стала бы пытаться отвести мужа от любовницы при помощи каких-то женских хитростей и уловок, ведь мы взрослые люди! Что ж, значит, я ошибалась, считая, что Шилов порвал с той женщиной.

– И что? – через силу произнесла я.

Лариска испытующе посмотрела мне в глаза.

– Ты спокойна, как удав! – с интересом проговорила она, покачивая головой из стороны в сторону, как автомобильная игрушка. – Что, совсем не удивлена?

– Удивлена, – вздохнула я. – Как... они себя вели?

– Прилично – ни объятий, ни поцелуев, – честно ответила Лариска. – Хотя на прощание они все-таки чмокнулись – в щечку.

– Вот видишь!

– Агния, ты действительно считаешь, что у них все кончено? Думаешь, Шилов поперся бы на вокзал в разгар рабочего дня, чтобы проводить *просто коллегу*?

– Они ведь знакомы с институтских времен, – неуверенно сказала я. – Было бы странно, если бы они полностью прервали всякие отношения...

– *Всякие?! Ты меня удивляешь, Агния, ты сама на себя не похожа, когда это говоришь!*

– А чего ты от меня ждешь – что я побросаю вещи в чемодан и рвану к маме?! – внезапно сорвалась я. – Если помнишь, так я и намеревалась сделать в тот, первый раз, и именно ты меня и отговорила!

– Не кипятись, Агния, – вытянула ладони вперед в защитном жесте Лариска. – Я же на твоей стороне!

Это правда: Лариска всегда меня поддерживает – просто не представляю, как бы я выжила без нее в самый трудный период, когда Славка свинтил.

– Прости, – виноватым голосом сказала я, кладя наконец половник на стол и поворачиваясь лицом к подруге. – У меня сейчас нервы ни к черту.

– Из-за Олега? Или из-за Андрея?

– С Андреем все кончено.

– Да ты что?! Ну, подружка, ты даешь – у тебя семь пятниц на неделе, я за тобой не поспеваю... И с чего же такое скоропалительное и неожиданное решение?

- Я залетела.
- В смы?.. Ох, беременная, что ли?! – глаза Лариски распахнулись так широко, что веки почти перестали быть видны.
- Угу.
- А папаша?..
- Черт его знает! – бессильно махнула я рукой.
- Вот это да...
- Как будто ноги отказывались держать ее, Лариска тяжело опустилась на стул.
- Не знаю, радоваться или огорчаться! – пробормотала она, не сводя с меня взгляда. – Ты-то сама как?
- Пока не пойму, – честно ответила я.
- Будешь рожать?
- Не знаю. Особенно после того, что ты рассказала.
- Ну уж нет, Агния, ты это брось! – воскликнула Лариска, подскакивая на стуле. – Я не собираюсь быть виноватой в твоём аборте!
- Я еще ничего не решила.
- Это хорошо, потому что я лично считаю, что тебе нужно рожать, – уже более спокойным тоном сказала подруга. – Это же такой подарок – в нашем-то возрасте! Кроме того, ты не думала, что ребенок может все изменить в вашей с Олегом жизни?
- Я далека от мысли, что дети скрепляют союз, твой пример, уж извини, доказывает как раз противоположное.
- Причем многократно... как минимум трижды! – кивнула Лариска, и мы, глядя друг другу в глаза, не сговариваясь, расхохотались. В ситуации не было ничего комичного, и все же обстановка слегка разрядилась. Насмеявшись вдоволь и вытерев глаза полотенцем, подруга вновь заговорила серьезным голосом.
- Так что делать будем?
- Она не спросила, что буду делать я, она использовала местоимение «мы», и я ощутила прилив благодарности за то, что Лариска таким образом продемонстрировала свою сопричастность.
- Вот думаю, – вздохнула я. – Аборт в моем возрасте – дело опасное. Не говоря уж о родах!
- Да ладно тебе, – отмахнулась подруга. – Джулия Робертс родила когда – в сорок шесть?
- У нее денег куры не клюют, уход...
- Думаешь, Шилов не поставит на уши весь город, чтобы ты успешно родила? Да у него академики будут на цырлах вокруг твоей кровати бегать!
- В этом она, положим, права. Я уже думала над тем, что больше всех на свете рождению ребенка, скорее всего, обрадуется именно Олег. Правда, эта уверенность была у меня *до того*, как Лариска сообщила новые факты! Словно услышав мои мысли, она сказала:
- Знаешь, подруга, рожает мы для себя, а не для мужей – поверь мне как «ветерану родильного фронта»! Заметь, я почти все время находилась одна, ведь стоило мне радостно сообщить очередному кандидату в мужья о своей беременности, как он благополучно исчезал в закате. А у тебя есть мама, Дэн, я – да бог с ним, с Шиловым, даже если он уйдет к этой своей чувырле! Кстати, он вряд ли уйдет.
- Почему? – любопытствовала я.
- Да потому, что он старательно выстраивал ваши отношения. Сменил работу, купил дом – разве мужчина станет этим заниматься, если не планирует долгую совместную жизнь? А от ошибок никто не застрахован – ты ведь и сама не без греха!

Странно, что, принеся на хвосте неприятную новость, Лариска сама же кинулась защищать Олега. Возможно, на нее так повлияло известие о моей беременности? Однако с ее последним высказыванием я согласиться никак не могла: Андрей не был моей «ошибкой», он был, пожалуй, самым лучшим, что произошло со мной за всю сознательную жизнь! Он вошел в нее неожиданно и ушел по первому требованию, не пытаясь спорить и уговаривать, поняв, что я приняла решение. Вот только Андрей наверняка не знал, что я-то как раз ожидала споров и уговоров в надежде, что его доводы заставят меня передумать.

– А ты не... – начала Лариска, когда зазвонил мой телефон. Увидев на экране незнакомый номер, я недоуменно спросила:

– Кто это?

– Вы мне звонили, – раздался женский голос. – Я – Дарья Бурко.

– Бур... – Боже, ну, конечно же: совершенно забыла, что полдня названивала матери погибшего солдата!

Быстренько представившись, я изложила суть проблемы.

– Я не совсем понимаю, что вы от меня хотите? – тихо спросила женщина. – Мне Ромочку доставили в урне.

– То есть... его кремировали на месте?!

– Вот именно! – почти закричала в трубку Дарья. – А он ведь верующий сильно был, для него кремация была... ну просто недопустима, понимаете?!

Конечно, я все понимала. Неважно, насколько человек верующий, но он сам или его родственники, и только они, имеют право решать, как именно следует похоронить покойного. Существуют некоторые обстоятельства – к примеру, высокие температуры, в результате которых тело может испортиться, или ситуация, в которой невозможно перевезти тело из очень отдаленной точки, но это – не наш случай!

Пока эти мысли проносились в моей голове, я, естественно, молчала. Дарья Бурко, видимо, решила, что я обиделась, поэтому сказала:

– Вы уж меня извините, я не хотела грубить. Просто, хоть это и случилось несколько месяцев назад, я до сих пор так и не оправилась. Каждый день благодарю бога, что родила четверых, но разве это означает, что можно обойтись без одного или двоих? Разве можно обойтись одной рукой или одной ногой? Со дня гибели Ромы я чувствую себя инвалидом – не могу ничего делать, не могу с людьми разговаривать, которые знали моего сына... А вы почему мне звонили? – внезапно сменила она тему.

– Как вам объяснили происшедшее? – спросила я, избегая прямого ответа. – Как погиб Роман?

– Они сказали, что он подорвался на гранате.

– В самом деле?

– Ну да. Поэтому, сказали, от него... мало что осталось, вот и пришлось кремировать.

Слова давались несчастной матери с трудом, но она все же говорила, и я почувствовала к ней благодарность: отец Петра Терехина вообще отказался со мной беседовать, и это можно понять!

– Так он не один, что ли? – снова спросила Дарья, так как я слишком долго молчала, размышляя над ее словами. – Рома-то мой – не один такой?

– Похоже, не один, – ответила я.

– И сколько их?

– Как минимум пятеро – вместе с Романом.

Между нами повисло длительное молчание. В сущности, говорить было больше не о чем, но я сама не решалась прервать тишину и попрощаться – мне казалось, это выглядело бы бездушным.

– Сделайте что-нибудь, – вновь заговорила Дарья голосом, в котором чувствовалась надежда. – Сделайте так, чтобы кто-то получил наказание за то, что произошло, пожалуйста! Я ведь не поверила, что с Ромой такое случилось. Он всегда был аккуратным мальчиком, спортсменом, потому-то я и в армию его безбоязненно отпустила, думала, станет самостоятельным, чему-то полезному научится... Да и сам он хотел служить, откосить и не думал даже! Не мог он «неаккуратно обращаться с гранатой» – никак не мог! Вы хотя бы попытаетесь?

– Попытаюсь, – пообещала я, чувствуя растущую уверенность. – Обязательно попытаюсь!

– О чем это вы таком говорили? – спросила Лариска, как только я повесила трубку. – Какие-то ужасы опять, да?

– Понимаешь, Ларис, – задумчиво ответила я, – в одной и той же военной части на погранзаставе слишком часто погибают или пропадают солдаты. Мы уже пятерых насчитали. Самое непонятное то, что двоих ребят доставили в цинковых гробах, а вот этого кремировали на месте, хотя, на мой взгляд, в этом не было никакой необходимости. Последние мальчики, по словам командования, застрелили друг друга. Чему они там учат призывников, раз они сами себя калечат, спрашивается? Что-то тут нечисто... А еще один парень, оказывается, в день смерти этих двоих сбежал из части, о чем никто не потрудился сообщить родителям!

Лариска глядела на меня широко распахнутыми глазами и трясла головой, словно пытаясь стряхнуть невидимую пыль с туго накрученных локонов.

– Слава богу, у меня только девчонки! – пробормотала она. – Слава богу!

Уже во второй раз за короткое время я слышала подобное. Кто же произнес эту фразу в первый раз? Ах, да – Инга Шацкая! Если я правильно помню, она дословно сказала: «Надо девочек рожать».

* * *

– Так как вам кажется, мы могли бы получить разрешение на повторную эксгумацию тела Ивана Смолянинова? – спросила я Карпухина, изложив ему все, что узнала за последнее время.

– На повторную эксгумацию? Ну-у-у, даже не знаю, – протянул он. – Уж больно свидетель ваш неадекватен! Будь этот, как его...

– Смолянинов.

– Вот-вот, будь он *нормальным*...

– Но психиатр говорит, что он совершенно нормальный! – перебила я майора. – Человек находится в глубокой депрессии, но он не псих.

– Это, пардон, придется доказывать сначала прокурору, а потом и суду, – рассудительно заметил Карпухин. – Показания Смолянинова легко подвергнуть сомнению.

– Какому сомнению? Если у парня отсутствуют внутренние органы...

– Вот оно!

– Что – оно?

– Ключевое слово, Агния: «если»! Вы уверены, что дело обстоит именно так, что это не бред шизофреника?

– А показания ветеринара? Он чувствует себя виноватым в том, что не помог соседу в тот, первый раз, поэтому, полагаю, сейчас согласился бы свидетельствовать в его поддержку.

– Это его свидетельство тоже недорого стоит.

– Почему же?

– Да потому, – вздохнул майор, – что этот ветеринар участвовал в той неправдоподобной аванюре. Разве вы не понимаете, что невозможно доказать изъятие органов *до того*, как за дело взялся этот самый умелец!

– Неужели вы считаете, что отец и ветеринар выпотрошили мальчика собственноручно?!

– Разумеется, Агния Кирилловна, я так не считаю! – поморщился Карпухин. – Но прокурор может так посчитать, особенно если военная прокуратура решит дискредитировать свидетелей.

– А зачем им это может понадобиться?

– А зачем понадобилось скрывать факт изъятия органов? Думаете, их устроит, если в газетах поднимется шумиха? Если станут болтать не только о том, что в армии пачками гибнут парни – это уже давно не новость! – а что их уродуют и отправляют родителям в цинковых гробах?!

– Вы думаете, что, если дело все-таки возбудить, начнется борьба военной и гражданской прокуратур? – задумчиво спросила я, бессознательно потирая подбородок.

– Боюсь, что так. Кроме того, не забывайте, что область моих полномочий весьма ограничена территориально – парни погибли у черта на куличках!

– И что, вы предлагаете все бросить? Забыть о случившемся, оставить несчастных родителей наедине с вопросами, которые они задают себе каждый день?

– Я этого не говорил. Выход есть, но он может вам не понравиться.

– Какой выход?

– Сделайте это делом ОМР.

Ответ был настолько очевиден и банален, что я не сразу нашлась что ответить. В самом деле, разве, по крайней мере, у одного из солдат не изъяты органы? Конечно, речь может идти и о ритуальном убийстве, к примеру, но что, если нет?

– Во-первых, – словно боясь, что я не восприму его слова всерьез, снова заговорил Карпухин, – ОМР не имеет территориальных границ – неважно, где погибли эти солдатики, где проживали и похоронены. Во-вторых, военная прокуратура вам не указ, так как вы – гражданское подразделение, подчиняющееся губернатору Санкт-Петербурга. На вашем месте я бы поговорил с Кропоткиной – она хорошо к вам относится, гораздо лучше, чем к Андрею, и, возможно, ее заинтересует возможность вновь выставить себя и губернатора в выгодном свете? Совсем недавно их вновь переназначили, и нужно срочно продемонстрировать, что Президент не ошибся и что они по-прежнему, так сказать, держат руку на пульсе!

Вице-губернатор Кропоткина и в самом деле отлично ко мне относилась – даже не представляю почему. Именно с ее легкой руки я оказалась в ОМР, чем первоначально и вызвала глубокую неприязнь Андрея. Он считал меня ставленницей вице-губернатора, призванной шпионить за ним! Но упоминание об Андрее также заставило меня засомневаться. Да, он оставил меня за старшую, но я ведь ничегошеньки не умею! Руководитель из меня никудышный, я понятия не имею, с чего начать – каждый раз я всего лишь выполняла указания Андрея. У него имелись обширные связи, он всегда знал, кому позвонить, на кого надавить, какие механизмы задействовать, а я – что я могу? Очевидно, моя нерешительность отразилась на моем лице, потому что майор сказал:

– Ну-ну, не тушуйтесь, Агния Кирилловна, вы гораздо более инициативны, чем думаете о себе! Вспомните хотя бы ситуацию с «Панацеей». Вы находились на борту корабля посреди океана совершенно одна, во враждебном окружении, среди людей, говорящих на других языках, – и все же не только сумели выбраться живой и здоровой, но еще и выполнили задание Интерпола!⁴

– Да если бы не... – начала я и захлопнула рот. Рассказывать майору о Фэй Хуанге, без которого я ни за что бы не выбралась, не стоило: в конце концов, о нем мало что знал даже Еленин, глава российского отделения Интерпола, который и отправил меня на «Панацею». Этот человек так и остался для меня загадкой, и я понимала, что, распространяясь о нем, могу нанести непоправимый вред.

⁴ Читайте об этом в романе Ирины Градовой «Клиника в океане».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.